

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

НА ПОРОГЕ ТЬМЫ

АНДРЕЙ КРУЗ,
МАРИЯ КРУЗ
СТРАННИК

Annotation

Миров бесконечно много, они живут, они развиваются, они умирают, а в умирающие приходит Тьма. И в такие миры начинают проваливаться люди: кто случайно, а кто, как выясняется, нет. Но большинству обитателей таких миров не до размышлений о сложности мироустройства: они выживают и пытаются построить себе даже на фоне наступающей Тьмы нормальную жизнь. Или хотя бы похожую на нормальную. Как могут, как умеют.

Андрей Круз, Мария Круз
Странник

* * *

— Восемь месяцев? Там даже шести минут не прошло до того, как я зашел обратно в сарай и меня забросило сюда. — У меня аж голос сел от удивления.

Казалось бы, пора уже привыкнуть к странным изгибам времени, на которые я насмотрелся с момента первого своего «провала», но это легко сказать, а сделать уже намного труднее, потому что сознание некоторые вещи начисто отказывается перерабатывать. Не принимает процессор.

— Восемь месяцев. — Настя повернулась ко мне, опираясь на локоть, а потом дважды показала четыре отставленных пальца. — Восемь. И как видишь, я за это время многое успела. — Она с заметной гордостью усмехнулась и протянула руку за бутылкой минералки, стоящей на тумбочке с моей стороны. — Дай попить.

Я протянул ей бутылку, и она сделала несколько больших глотков прямо из горлышка. Пила быстро и даже жадно, с треском сжимая пластиковую емкость, а капля воды, сорвавшись, упала на ее обнаженную грудь, и я почему-то уставился именно на нее, быстро загадав «стечет — не стечет». Чуть продержавшись на месте, капля стекла вниз, оставив на нежной коже тонкую блестящую дорожку. Настя ее не почувствовала.

— Ну да, ты теперь там дама в авторитете, — не удержался я от того, чтобы не прокомментировать. — Ты у них всей авиацией командуешь, что ли?

— Не всей, даже вообще ничем не командую, но летающих людей по пальцам можно пересчитать. — Она поставила бутылку на тумбочку у кровати. — Так что да, особо ценный член экспедиции.

В номере отеля было слегка прохладно, но все же не холодно, мы даже отопление выкрутили на минимум. Через зарешеченное окно доносилась музыка из бара «Оксидентал Салун» — кантри, разумеется, — а какая-то гомонливая компания топталась на улице у входа в отель, не торопясь перебраться под защиту его стен. Хотя в темноте никто теперь по улицам гулять не любил. Впрочем, Баффало с этой точки зрения пока был городом довольно безопасным, Тьма сюда проникла слабо, есть в округе места куда хуже. Но окон без решеток в городке уже не встретишь.

Мы оба были утомленными, скорее даже обессиленными, — и счастливыми. По-настоящему счастливыми, бесконечно тонущими в этом своем счастье. Для кого-то из нас расставание длилось меньше, для кого-то больше, но даже день его был мучителен и пуст. Только сейчас, лежа с ней в постели, я понял, как же мне ее все это время не хватало. Как будто части самого себя лишился, а теперь обрел эту часть вновь, стал целым.

И пришло ощущение нового этапа в жизни, опять. Ощущения того, что тебе опять надо строить все планы заново, с нуля, потому что все старые уже ни на что не годятся. Или их просто не существовало. У меня ведь был всего один план — найти Настю. И вот я ее нашел. А теперь надо думать уже над планами, во множественном числе. Над тем, как нам дальше жить уже вдвоем. Как выживать, потому что к этому миру слово «жить» применяется пока плохо, жизнь здесь больше напоминает именно выживание. Или можно заменить его все же на «жизнь»? Получится у нас?

— Ждала тебя в доме, потом поняла, что сразу за мной ты из сарая не выпадешь, — продолжала между тем рассказывать она. — Решила, что тебя закинуло куда-то совсем в другое место, и перспективы встретиться у нас... сам понимаешь. Но... в общем, все же

оставила записку.

— Это было самым лучшим твоим решением, — я откинулся на подушку, закинув руки за голову. — Иначе... иначе я бы с ума сошел, наверное, гадая.

— Мне кажется, что я почувствовала, как ты появился... в этом мире. Просто почувствовала — и все.

— Ты теперь только это чувствуешь?

Вопрос был со вторым смыслом — если она *чувствует*, то поймет его.

— Нет, — усмехнулась она. — Я тебя поняла. Еще чувствую тварей. Пусть не слишком издалека, но чувствую. Ты тоже?

— Я тоже. Думаю, что мы как-то изменились во время прохода.

— Или что-то подцепили, — усмехнулась она.

— Предпочитаю думать, что изменились, — засмеялся я. — Слово «подцепили» как-то не те ассоциации включает. Тем более в постели и после секса...

— Это у тебя просто воображение испорченное. — Она предупреждающе подняла палец.

— Может быть, — закивал я сразу же с готовностью. — И как ты дальше? Ну в смысле когда попала сюда?

— Да ничего сложного для меня и не было. Разве что запах местами, — она вздохнула, оставив бутылку чая на тумбочку со своей стороны кровати. — Нашла... её документы... — она тоже запнулась на упоминании своего «дубля», погибшего в этом мире, явно не зная, как назвать, и остановившись на нейтральном «она», — узнала, что есть самолет. Добыла карту, добралась до аэродрома, нашла там нужный ангар, а в нем самолет. Затем полетела на Денвер и услышала передачу на «сто двадцать один и пять» от «мобильного центра», тогда еще самого первого. И свернула на Шайенн, где они тогда расположились.

— Шайенн — это город или гора в Колорадо? Где ядерное убежище и все такое? — вспомнил я прочитанное когда-то.

— Шайенн, что в Вайоминге, городок такой, — уточнила Настя, — захолустье вроде этого самого Баффало. Вот и все, собственно.

— А мне Баффало нравится, — сказал я, почти обидевшись на слово «захолустье». — Всю жизнь мечтал жить в таком вот спокойном городе посреди всякой природы и прочего. Правда, не в мире после Эпидемии, — добавил следом. А что за «мобильный центр»?

— В общем, это радиостанция и все к ней прилегающее, — взялась она объяснять. — Чужие пытались и пытаются искать таких же, как они сами. Ведут передачи на всех возможных частотах, ставят плакаты на дорогах, рассылают патрули. Вот к самому первому такому центру я и прилетела. Люди уже заметили, что их становится больше, и те, кто поумнее, постарались всех объединить. Теперь их кто-то переименовал в FOB — «передовые оперативные базы»^[1].

— И то, что ты не приехала, а прилетела...

— ...И сделало меня очень нужной и важной, — не дала она мне закончить фразы. — И даже ты, хоть и летаешь ты еле-еле, тоже будешь нужен.

— А знаю, — кивнул я, немного загордившись. — В Канзасе я уже успел поработать пилотом, и, кстати, на мои умения, драгоценная моя, никто ни разу не жаловался.

Вот так, знай наших.

— На безрыбье... — пожала она плечами. — Кстати, спасибо, что на людях ты меня Настей не зовешь^[2].

— Ну я вроде бы знаю язык, — засмеялся я. — Достаточно, чтобы понимать, чего делать не следует.

— В Колд-Лэйке меня уже зовут Энис, — пояснила она.

— От Энэстейша, так?

— Верно. Так что сдерживайся. Не забывай.

Опять предупреждающе вздетый указательный палец.

— Ну так уже, — подтвердил я усвоение ценного указания. — Кстати, я голоден, как... тварь Тьмы, наверное. Которая из самого наглухо запертого подвала, откуда ей никак не выбраться.

— Ты всегда после... гм... этого дела голоден, — засмеялась она, ткнув мне пальцем в живот. — Как-то быстро ты калории расходуешь.

— Стараюсь, — сказал я скромно.

— Я почувствовала, — она вновь засмеялась, затем спросила: — Ну и где ты рассчитываешь что-то получить в это время? И стоит шляться ночью?

— Шляться? С ума сошла? — картинно удивился я, придвигаясь к ней. — Некогда шляться, нам делом надо заниматься, ты вон восемь месяцев без... ну ты поняла. Даже больше. И калорий пока осталось. А мы в отеле, здесь, я думаю, те же сэндвичи и что-то попить можно круглосуточно заказывать. Или из бара принесут, например. Кстати, успеем еще разок, пока принесут.

Я придвинулся еще ближе, но Настя толкнула меня ладонью в грудь.

— Надо сначала позвонить и заказать, — объяснила она. — А потом успевать. А если сначала успевать, то успеешь наверняка, и даже не один раз, если сможешь, но ничего не принесут. Подумай об этом. Это называется «логика».

— Думай ты, мне некогда. И отстань со своей логикой, не до нее мне сейчас.

Но все же потянулся к телефону, потому что она вообще-то права. И есть все же хочется.

Часть первая
В Монтану

С того ночного разговора прошло две недели. «Официальной Баффало», или как там правильно называть власть новой Территории Вайоминг, все же отправил прилетевших с Настей специалистов и своих на аэродром в Коди. Сначала туда выехали люди во главе с самим командиром местного ополчения Мартенсенем — высоким, худым и плечистым мужиком с длинной лошадиной физиономией, — которые определили место базирования и подготовили его.

Остальные, к числу которых я отнес и себя, прилетели прямо на аэродром позже, когда все было готово. Причем к команде присоединилось еще трое чужих из тех, что дожидались «райда»^[3] в Баффало, — маленького роста скуластая женщина мексиканского происхождения, жившая раньше в Калифорнии и работавшая с авиационной электроникой в какой-то сервисной компании, молодой парень-механик, хоть и не авиационный, но заверивший, что все, что сделано из железа, ему посилено после некоторой подготовки, и полицейский-канадец, провалившийся в этот мир в уборной своего дома в Ванкувере, но оказавшийся в Айдахо. Он взялся за обеспечение безопасности работ.

Вылетели мы с Настей, бывшей, понятное дело, за пилота. И пилотировала она сейчас двухвинтовой ярко-желтый самолет, который называла «Твин Оттером». Не знаю как кто, но я о таком раньше и не слышал. Не слишком большой, но и не совсем маленький, который даже с виду был каким-то... черт знает как правильно выразиться. Уместным. Таким, какой сейчас и нужен. Грубым, простым и прочным с виду, вызывающим доверие с первого взгляда. Посмотришь на такой — и сразу вспоминается книга «Записки полярного летчика».

— Полярный, с очень коротким взлетом и посадкой, крепкий и надежный, лучше не придумаешь, — так она отрекомендовала свою машину, заодно подтвердив все мои предположения и ассоциации. — На нем не страшно куда угодно лететь. Двадцать человек, или две с половиной тонны груза.

— У меня нет две тонны груза, — прикинулся я сиротой, пристраиваясь на месте второго пилота. — У меня вообще ничего нет.

— У тебя есть я.

— Да, теперь ты у меня снова есть, — вынужден был я согласиться.

В салон «оттера» тогда набилось человек десять, еще столько же вылетало следом вторым самолетом. Шестеро, считая меня, были «чужими», как в этом почти умершем мире называли тех, кто провалился сквозь прорехи мироздания из миров других, а остальные были местными, из тех выживших, что осели на территории штата Вайоминг, привлеченные новой независимостью от федерального правительства. Теперь они должны были организовывать новую авиацию штата Вайоминг, пусть из того, что удастся «настервятничать» на брошенных и опустевших аэродромах.

Вообще уже знакомая картина, примерно с такого же эпизода началась моя жизнь в Канзасе, откуда я сбежал. На самолете, который стоит, наверное, по сей момент на аэродроме Рапид-Сити. Жаль, кстати, хороший самолетик — пусть маленький, зато летит далеко и садится где угодно.

Впрочем, там, в Коди, я уже занимался привычным для себя делом — осматривал окрестности с воздуха. Правда, теперь не на «фоксбэте», а на самолетике чуть покрупнее, называвшемся «Эвиэт Хаски» — простеньком моноплане с высоким крылом и на больших

«тундровых» дутиках, который производили здесь же, в Вайоминге, в городке Эфтон, что на границе с Айдахо.

Самолет впечатлял. Нет, не внешним видом — тут скорее все было наоборот, ничего выдающегося. И размеры у него были куда как скромными — лишь чуть-чуть длиннее семи метров, и в размахе крыльев самолет едва перевалил за десять, но вот именно способности его вызвали уважение. Мог взлететь с разбегом в двести футов, то есть в шестьдесят метров, и сесть на полосе длиной в триста пятьдесят, то есть чуть длиннее ста двадцати, мог пролететь восемьсот миль, да еще со скоростью в сто тридцать миль в час, или в сто тринадцать узлов, мог нести двух человек и еще под полста кило груза, а еще можно было снять заднее кресло и нести полтора центнера — в общем, хоть куда самолетик, разве что внешне выглядел так, словно его до Второй Мировой придумали. А если точнее, то это отчасти подражание древнему «Пайперу Каб», которому никому и ничего доказывать уже не надо. Хотя по документам это самый современный из всех поршневого самолетов в Америке и даже сертифицирован для ночных полетов.

Самолет этот обнаружила на аэродроме в Коди лично Настя, после чего идея о том, как меня правильно использовать с пользой для общества, созрела автоматически. Причем сразу у всех, включая меня самого. Машину требовали у местных вроде как в уплату за помощь, и теперь я крутился на ней над окрестными дорогами, выискивая признаки возможных угроз, заодно повышая свои умения, особенно в части посадки этого маленького самолета на дороги и поля. И даже без аварий обходился, несмотря на постоянные ветры. Привык к ней, в общем, причем быстро, потому что в управлении она, по ощущениям, показалась не сложнее велосипеда.

Единственное, что было очень непривычным, — схема с задним колесом, от которой вроде бы давно все отказались. Но как раз мне, с моей недавней практикой на По-2, это оказалось вполне привычным. Тем более что при такой компоновке винт при посадке куда дальше от земли, самолет лучше маневрирует при рулежке, а уж для взлета-посадки в чистом поле это вообще идеальная схема: с передним колесом куда больше риска кувырнуться на какой-нибудь кочке или ямке.

Даже когда в кабине сидело двое, а баки были заполнены под крышку, самолет легко набирал высоту, легче и быстрее, чем обещал мануал, а баланс машины был настолько идеальным, что даже я, со своим почти что никаким летным опытом, ощущал его таковым. Машина легко приземлялась на два колеса на семидесяти милях в час и точно так же стабильно присаживалась на все три точки на пятидесяти, чуть спарашютировав, что позволяло усадить ее вообще на поле размером с купальное полотенце или даже меньше.

В общем, летал постоянно, ловя себя на том, что делаю это все с удовольствием. Пару раз специально проходил над вусмерть «затемненным» Грейбуллом, убеждаясь в том, что он забит тварями, но по окрестностям они все же разбрелись неактивно. Возможно, до нас было слишком далеко и добычи они не чувствовали. А вот я их как-то ощущал, если опускал самолет ниже. Может, даже и не их, а «окно», откуда они выходили. Что-то было такое в этом городке, что хватало ледяной рукой за сердце каждый раз, как я к нему приближался.

Самым трудным для меня оказалось определять ветер при посадках в незнакомом месте. Самолет легкий, тащит и раскачивает его заметно, так что ветер — опасность номер один. Но тоже как-то приспособился, глядя на траву, кусты, сдуваемую пыль.

Весна в Вайоминге немножко странная: вроде и солнце все время, причем заметно припекающее, и в то же время не разденешься — ветер резкий и холодный. Любой свитер

продувается им насквозь, так что без куртки не обойдешься. И при этом под солнцем все равно жарко. И все равно холодно. Вот как хочешь, так и понимай. А ветер почти все время дует, недаром я видел с воздуха так много «электроветряков». Один из чужих, механик Мэл Буш, был родом как раз из Вайоминга, разве что из другого слоя действительности, и он мне объяснил это изобилие ветряков очень просто:

— Федеральное правительство давало кучу льгот за «чистую энергию», даже компенсируя владельцам налогами стоимость турбин. Заодно обязывая электрокомпании энергию от них покупать. Поэтому те, кто похитрее, ставили эти турбины и зарабатывали на ветре, причем мухлевали во всем, собирая чуть не металлолом и получая компенсации как за новые, и всякое такое. При этом никакой пользы, кроме вреда, от такой энергии нет, ветер дует сам по себе, вовсе не тогда, когда надо электросетям, и не стихает, когда избыток энергии не нужен. Поэтому она все больше сжигается впустую, но деньги на счет капаят. К тому же от турбин шум, они пугают птиц... В общем, не знаю, как в этом слое, но у нас там ситуация здорово напряглась.

Аэропорт в Коди, понятное дело, продувается насквозь во всех направлениях, пространство открытое. Плоская как стол равнина, горы на горизонте — уже по-своему привычный пейзаж. В Боулдере, что в штате Колорадо, все было примерно так же. Разве что устроились мы с большим, чем тогда, комфортом — не в терминале на раскладушках, а в жилых трейлерах, выстроившихся на обнесенной колючкой площадке, бывшей стоянке прокатной компании. Трейлеры устроители лагеря притащили сюда из Каспера, размародерив тамошний «дилершип». В комплекте с трейлерами шел большой генератор на грузовике, в результате чего у всех был свет и все прочие радости обладания электроснабжением, ну и газовых баллонов для кухонь завезли вволю, благо штат Вайоминг, как относительно недавно выяснилось, богат и нефтью, и газом, в этом никакого дефицита нет.

В общем, разместились мы и удобно, и безопасно — подступы к стоянке осветили фонарями и прожекторами, на ночь все наглухо закрывалось, а пробраться через высокие колючие стенки у тварей покуда не получалось. Да и охрану к нам приставили, пусть небольшую, но все же — восемь бойцов национальной гвардии штата на двух «хамвиках» с пулеметами «Ма Дьюс» в поворотных «собачьих будках». Днем, пока люди работали, они патрулировали территорию аэродрома, а ночью дежурили внутри периметра. Ну а я за всем этим с неба приглядывал, откуда мне видно все, ну, когда погода летная.

А охрана — это важно, в эти края и банды с «индейской территории» добирались, и в самом Коди Тьма местами корни пустила. Пусть и не так, как в Грейбулле, что неподалеку, в котором меня недавно чуть не сожрали, но все же твари появлялись время от времени. Хоть и безуспешно: они даже к периметру опасались приближаться, словно чуя неминуемую свою гибель.

Вообще мы торчали в Коди в командировке, по договору между чужими и Вайомингом, но для меня это был словно очередной медовый месяц. Именно в Вайоминге, в Баффало, я все же нашел Настю. Или она меня нашла, это уж как посмотреть. Или нашлась. Или я нашелся. Да какая разница, кто там где нашелся? Зато у нас теперь был трейлер на двоих. Нормальный такой двадцатичетырехфутовый трейлер с кухней в торце, неким подобием гостиной, спальней, туалетом и душевой — живи сколько хочешь, радуйся тому, что все вот так сложилось.

Странно, что на правильное проведение медового месяца у нас с Настей вообще

оставались хоть какие-то силы. Работали с утра до вечера, даже ели все вместе только один раз, когда спускалась темнота и все уходили в здание терминала. А так все больше сэндвичи в коробках с собой носили.

Хоть и появился я в этой компании вроде бы со стороны местных, но быстро примкнул к чужим, как-то начав считать своими именно их. И это не из-за Насти, точнее — не только из-за нее. Главная причина была в другом: мы действительно этому миру чужие. Как называют нас, так оно и есть, зря так не прозовут. И чужие не только потому, что мы не отсюда, а еще потому, что никому из нас, провалившихся сюда сквозь тайные двери Тьмы, не довелось хоронить свою семью, умершую от энцефалита, вызванного прошедшей по миру Суперкорью, и не было у нас на душе именно таких шрамов. Глубоких, кровоточащих, страшных.

Да, были непонятность, потерянности, беспокойство, расставание со своими и страх за них — но это другое, все другое. А что касается меня, так я еще, в отличие от всех остальных чужих, *знал*. Знал, что ничего не случилось там, откуда я исчез. И меня даже хватиться не успели. Тогда, раньше, по крайней мере. Она, та, с которой я там жил, может быть, до сих пор собирается жарить котлеты и еще не дошла от холодильника до плиты. Время описывает петли, и если за это время в моей жизни были и страх, и кровь, и смерть, и дружба, и любовь, — там не произошло ничего.

И еще я знал, что на самом деле не оставил за спиной ничего такого, о потере чего следовало сожалеть по-настоящему. Ничего настоящего. И именно поэтому с местными мне было трудно, я ощущал себя словно бы каким-то мошенником, обманувшим судьбу и смерть, в то время как всем остальным сделать этого не удалось. Так что да, мне было проще с чужими.

И все равно, несмотря на кошмар происходящего вокруг, на зрелище почти вымершего и разрушенного мира, у меня здесь отсутствовало ощущение той безнадеги, которое постоянно висело над душой в Отстойнике, там, откуда мы вырвались. Не знаю почему, могу только предполагать. Может быть, потому, что это был пусть и почти погибший мир, но естественный, что ли, не оторвавшийся слой действительности, и это как-то ощущалось. А может, и просто потому, что здесь было намного удобней жить, а я этого осознать не могу и в результате философию развожу на пустом месте. Сравнить даже этот временный трейлер с той квартиркой, в которой мы жили в Углегорске, — ну никак нельзя. Небо и земля, «два мира — две системы», не знаю как еще все это назвать.

И не было там, в Углегорске, ни музыки, ни фильмов, ни каких-то еще развлечений, кроме старых книг, и не было у меня там возможности, как сейчас, лежать на кушетке, закинув ноги на поручень, и тыкать пальцем в планшет, пытаясь ярким шариком сбивать другие шарики такого же цвета, которые лопались с чпокающим звуком, а мне за это набегали какие-то очки и бонусы. Не мог вставить в лэптоп диск и пересмотреть фильм, не мог воткнуть крошечный айпод в стерео и слушать кантри, например. Ничего такого не мог. А вот здесь могу, попутно наблюдая за тем, как Настя поджаривает хлеб в тостере. А тостеров там тоже не было. Ничего там не было. А здесь есть.

Странно, как многое меняют в нашей жизни все эти мелочи. Особенно если ты к ним привык. И когда вдруг их лишаешься, тебе становится плохо и неудобно. Но вроде бы привыкаешь, человек ко всему привыкает, наверное. Я вот привык там, откуда мы сюда попали, и даже перестал скучать почти по всему, кроме теплых салонов машин, с чем в Отстойнике с его антикварной техникой были проблемы. А когда обретаешь их вновь,

понимаешь, как же их не хватало. Впрочем, в моей «натуральной» действительности всех этих айподов и планшетов еще не было. Так что на самом деле не знаю, насколько мне их не хватало.

Впрочем, не провалился я в первый раз в тот самый Отстойник, не встретил бы Настю, а скучно жил бы в своем доме с нелюбимой, в общем-то, женщиной, занимаясь нелюбимой опять же работой. А теперь... а теперь жизнь впервые обрела настоящий смысл. Нет, смысл не в выживании, это уже попутно, это так сложилось, смысл — в ней. В Насте. В Энис, если угодно, раз уж мы в англоязычном окружении теперь и так ее здесь зовут. Э-нис... никак не привыкну.

— Кофе будешь?

Это как раз Энис. Энэстейша, значит. Не Настя, а то некрасиво может получиться.

Кофеварка уже жужжала, проталкивая через стальной фильтр темную струйку эспрессо и заполняя весь трейлер невообразимым, божественным, прекрасным ароматом. Кофе в Отстойнике не было, поэтому здесь, теперь, я его пью даже вечером, перед сном, и никакой бессонницей не страдаю. Раньше бы такое у меня не прокатило, а сейчас никаких проблем со сном. В награду, наверное. А кофеварку, к слову, добыл я сам из перевернутой фуры с подобным товаром, возле которой почти случайно посадил свою «лайку» на шоссе. Присел просто для практики, потом подумал — дай, мол, гляну, что там за коробки рассыпаны, и раз — нашел такую вот полезную вещь. До этого на кухне была обычная американская, с бумажными фильтрами, наливающая в чашки не кофе, а нелепую и глупую пародию на него.

— Буду, — сказал я решительно, опуская ноги и садясь.

Там, в Отстойнике, еще ковровых покрытий не было. Тех самых, по которым приятно пройти босиком и от которых не мерзнут босые ноги. Мелочи, нас окружают тысячи мелочей, улучшающих нашу жизнь, а мы их в силу привычки не замечаем. Мне сразу вспоминается дощатый пол нашей квартирки, покрашенный бурой, мерзкого вида половой краской. Как в моем детстве, если дальше вспоминать, — тогда полы только ею и красили. Не зря же она называлась именно «половой», без всякого сексуального подтекста.

— Ты как, живой?

Имеется в виду то, что у меня сегодня было два вылета, полноценный рабочий день от темна и до темна. Причем летал подолгу, поэтому как садился — сразу бежал в уборную чуть не вприпрыжку.

— Да нормально, привык уже.

— Тебе практики чем больше, тем лучше.

Ну да, а то я не знаю. Но вообще она права, я свои летные «скиллз»^[4] за эти две недели очень сильно улучшил. А мне ведь скоро дальний одиночный перелет предстоит, так что лишними они точно не будут. Закончим здесь, свернемся — и в Монтану, в Грейт-Фоллз, а это четыреста километров. Нет, я на такие дистанции летал и вроде бы даже без особых проблем, и сейчас летаю, если учитывать те расстояния, что я накручиваю над окрестностями Коди, но случаи всякие бывают, так что... собственно говоря, вынужденная посадка как раз и является самой большой проблемой из возможных, так что ее я все больше и отрабатываю сейчас. И вообще Монтана не то место, где хочется сесть на вынужденную: это «индейская территория». И если бы только «индейцы» создавали там проблемы.

Сама Настя в Грейт-Фоллз слетать успела, перекинув туда груз каких-то запчастей к самолетам и несколько человек из местных. Утром улетела, вечером вернулась. Все же самолет, как ни крути, он транспорт быстрый, даже такой вот винтовой. Впрочем,

реактивные теперь и не летают нигде, кроме Анклавов — уцелевшей территории Соединенных Штатов Америки, да и там не слишком часто: не хватает летчиков и обслуживающего персонала, со всякой наземной электроникой проблемы, так что там тоже все больше винтовые и турбовинтовые стараются использовать.

— Там жить-то хоть можно, в Грейт-Фоллзах этих? — поинтересовался я как-то.

— Тоже в трейлерах, — пожалала она голыми плечами. — Нормально.

Разговор, как у нас обычно получалось, происходил в постели. Днем друг друга не видели, с утра сразу бежали на работу, а зато вечером, вернувшись... про медовый месяц я упоминал, он был как раз в самом разгаре, так что по возвращении в трейлер мы прямо к нему и приступали. А потом, после всего, уже и на разговоры тянет.

— Но мы же там сменами, так что вернемся туда, досидим смену — и улетим в Колд-Лэйк, а там у меня дом хороший, у самого озера, тебе понравится. — Она перевернулась на живот, потянувшись и положив подбородок на руки. — В окно с утра выглянуть — просто наслаждение. Вода, сосны, тишина... хорошая такая тишина, знаешь, какая бывает там, где люди живут.

— Не как в Углегорске? — Я нагнулся и поцеловал ее в копчик.

— Нет, не как там, — засмеялась она, отмахнувшись и заехав мне по затылку. — И кровать там кла-а-ассная! Тебе точно понравится.

Чужие, которых собралось в одном месте уже несколько десятков тысяч, обосновались в Канаде, разумно расположившись подальше от Анклавов, и, в общем, умнее выдумать и не могли, потому что сразу получили в свое распоряжение и плодородные земли провинции Альберта, откуда в свое время потоком шло в СССР зерно, и «битумные пески» возле Колд-Лэйка — неисчерпаемый источник нефти, благодаря которой анклав чужих не боялся зимних холодов. В общем-то вся уцелевшая цивилизация, насколько я понял, вокруг таких вот источников и расположилась. Нефть осталась кровью цивилизации.

Настя жила в городке Колд-Лэйк, той его части, что расположена на берегу озера. Была еще новая часть города возле большого аэродрома, где раньше была база канадских ВВС и где теперь, на остатках ее бывшего величия, существовала авиация анклава, однако Настя предпочитала ездить на работу дальше, но жить у воды. Хотя бы в память о том факте, что порождения Тьмы всегда боялись проточной воды.

— Там вообще-то здорово, честно, — говорила она. — Город очистили, тварей мало, заходят редко, озеро огромное, летом купаться можно запросто, а так... не знаю, что там тебе надо?

— А с бандами как?

— Банды... банды бывают, да. Раньше было тихо, говорят, а теперь они почувствовали, что там что-то можно взять, появились проблемы. Но отбиваемся — все же нас больше, и базы канадской армии не все вывезли или взорвали, многое нам досталось. Не больше проблем, чем в Отстойнике, разве что жизнь лучше.

— Хотя бы это радует.

Жизнь теперь лучше, верно. А в общем, все как везде. Как в Канзасе было, как здесь, в Вайоминге. В Анклавах, говорят, безопасно, но нам в Анклавы нельзя. Совсем. Нас там как почетных доноров используют, особо не спрашивая на это никакого согласия. Это, кстати, для обитателей анклава чужих тоже пока новая информация, которую я еще никому не раскрывал. И пока не знаю, кому и как ее раскрывать.

Работа на аэродроме шла по плану, самолет за самолетом «вставал на крыло» и

перебирался на аэродром Баффало, который быстро стал тесноват для такого скопления. Затем целый конвой грузовиков нагрузили всевозможными запчастями и прочим полезным имуществом и отправили его следом, заодно прицепив к машинам жилые трейлеры. И последние из нас, кроме меня, погрузились в «Твин Оттер», после чего самолет покинул бетон полосы в Коди. А следом взлетела моя бело-оранжевая «лайка», окончательно освободив место от человеческого присутствия.

В Баффало мы провели всего пару дней по возвращении из Коды. Провели их с Настей вдвоем, лениво и задумчиво, гуляя по городку, обедая в местных закусочных и проводя вечера в барах. Съездили в «Шесть бревен», где я познакомил Настю с теми людьми, которые помогли мне освоиться здесь. Насколько они стали мне близки? Намного, пожалуй. Пусть мы и не так уж долго знакомы, но Бад сделал мне много доброго, с Джо мы убегали от почти неминуемой гибели и вместе уцелели — это связывает людей. Бад был с женой, которую звали Мел, бармен Эрни кормил оленьими стейками, от которых Настя пришла в восторг. Сидели за длинной самодельной стойкой, пили пиво в большом количестве. Мы даже напились слегка и решили то ли ночевать в трейлере, который Бад выделил мне под жилье, когда я нанялся ему в помощники, то ли просто я показывал место, даже не знаю сейчас.

— Романтично, — резюмировала Настя, осмотрев трейлер изнутри.

— Здесь жили работники с ранчо, пока они... пока здесь были работники, — объяснил я. — Мне это место обходилось в доллар за ночь, дешевле отеля.

— И ты правда ремонтировал изгороди?

— Очень недолго, — усмехнулся я. — Потом мы поехали за сеном, и... продолжение истории ты уже слышала.

— Это да, верно, слышала. Кстати, как мы будем спать? Тут все кровати одноместные. Ты об этом думал?

— И верно, — сознался я. — Как-то не очень думал. Одноместные ни на что не годятся, и сдвинуть их толком не получится. Поехали в отель? Черт, все равно ведь никто не остановит и не проверит уровень алкоголя в крови, торможу я что-то.

— Тебя это только сейчас начало удивлять? — съехидничала она.

В общем, уехали в город.

Дальше были всякие хозяйственные хлопоты, в результате которых мне удалось пристроить добытый совсем недавно в Каспере «фораннер» — совсем новый, который я утащил с дилерской стоянки, возвращаясь вместе с Джо — «ранч-рукой»^[5] Бада из той самой на редкость неудачной поездки за сеном, о какой как раз и шла речь, в результате которой мы чуть не лишились головы и обзавелись парой автомобилей. Один из них — большой пикап с бронезащитой в кузове и пулеметом на вертлюге — я отдал, себе же по пути прихватил куда более проходимый и экономичный японский внедорожник. И хотя Настя убеждала меня в том, что он мне точно не понадобится, просто бросить или отдать я его уже не мог, потому что так выходило, что зря рисковал башкой. Но взять с собой не получалось, я летел на «лайке» и машину в багаж никак было не упаковать.

Помог все тот же Бад, просто предложив поставить авто в один из его сараев и отдав мне ключи от навесного замка. В общем, тут бы и разговаривать было не о чем, но все же история с машиной вылилась для меня в некую дополнительную прибыль. Пулемет, тот самый, что помог нам отбиться от толпы тварей в Грейбулле, перешел в руки местных оружейников, они изъявили желание как-то со мной за него рассчитаться, и когда мы с Настей заехали в «Спорт и Наживку», я еще довольно удачно сторговал трофейный укороченный FAL.

Не просто так все это сторговал, потому что взамен мне досталась винтовка «марк-одиннадцать» — новенькая, в крепком добротном кейсе, в котором кроме нее самой нашлись

сошки «харрис», прицел «Льюполд марк 4», еще прицел — компактный «ред дот», стоящий с наклоном, длинный глушитель, четыре двадцатизарядных и четыре десятизарядных магазина, причем к каждому магазину прилагался еще и подсумок «молли», который можно было цеплять на разгрузку. Набор для чистки и прочее можно и не упоминать.

— Военная модель, — пояснил продавец, — ею даже «нэйви силз»^[6] пользуются, тебе понравится.

Она мне уже понравилась, потому что повторяла ту самую концепцию самообороны, которую я реализовал со своим охотничьим «ремингтоном»: винтовка марксмана^[7], с которой ты можешь эффективно вести бой с группой противников, вооруженных обычными автоматами, с такой дистанции, при которой их огонь становится уже неэффективен. Магазины от «ремингтона», к слову, тоже отлично подошли к новому оружию — они ведь изначально были под триста восьмой калибр.

В общем, я на следующий день новое оружие пристрелял, немного удивившись отличной кучности, меньше чем в половину «минуты», затем пристрелял ее уже с глушителем, с обычными патронами, не сабсониками, от которых все равно никакого толку. Однако звук снижался сильно, а вот траектория полета пули — не очень. На палец, поправки даже можно не брать, если по силуэту. Что и требовалось. А дистанция в восемьсот ярдов оказалась очень даже рабочей, то есть оружие вполне снайперское с правильными патронами.

Мануал мне подсказал, что громкость выстрела снижается на тридцать децибел, а учитывая то, что ослабление звука считается «по кубу», это делает оружие на дистанции эффективного применения все равно бесшумным. Если незаглушенный выстрел будет слышен и с пары километров, и с большей дистанции на ровном месте, то сниженного на тридцать децибел уже и на пяти сотнях не расслышишь. А на тех же восьми сотнях пуля будет прилетать и вовсе ниоткуда. К тому же глушитель полностью убивает вспышку от выстрела, так что обнаружение позиции стрелка становится нелегкой задачей для кого угодно. У нас такую концепцию пытались реализовать, насколько я помню, с винтовкой СВУ — кастрированной СВД, — но, как всегда в последние годы, налажали. А идея здравая, надо было до ума доводить.

Прицел не очень соответствовал моей концепции «единой винтовки для всего», но мой трехкратный «баррис» тоже никуда не делся, маленький «ред дот» вполне позволял стрелять из нее сблизки, да и Мартенсен, который, собственно говоря, эту винтовку мне сосватал и присутствовал в магазине, сказал:

— Я в Песочнице и Стане^[8] пересекался с «дельтами» и «нэйви силз», так вот могу сказать: у них почти каждый носит «марк-одиннадцать». И при этом тащит еще и что-то короткое для обороны позиции, часто «эм-пи-пять» с глушителем, а еще пистолет с глушителем в кобуре и еще один в рюкзаке — тоже с глушителем, но двадцать второго калибра, обычно «ругер».

Ну да, кашу маслом не испортишь. Разве только все это масло на себе далеко не унесешь. Но к сведению принял и даже потосковал по легкому и ухватистому PDW, который оставил в Канзасе. Тут в продаже подобного ничего не было.

В общем, я очень поблагодарил Мартенсена за помощь, забрал кейс с винтовкой и унес, позже сложив свой «ремингтон» в багажник «фораннера» со всеми патронами двести сорок третьего. Пусть будет. Пусть так и лежит. Подумав, докинул туда трофейный «кимбер» со всеми патронами — вроде как комплект получился.

Затем мы с Настей попали на большое барбекю в мотеле «Супер 8 Баффало», где жили

чужие, которые и устроили по поводу «воссоединения» что-то вроде банкета. Мяса натрескался, а вот пил очень мало, потому что на следующее утро мы вылетели в Грейт-Фоллиз, что в Монтане.

Еще едва начинало рассветать, как мы приехали на аэродром и я уселся в кабину «лайки», закончив предполетный осмотр. Настя на «Твин Оттере» вылетала позже. У нее и машина заметно быстрее, и случись со мной что, ее самолет вполне сможет принять от меня сигнал бедствия, а маршрут мы согласовали до мелочи. А с первыми лучами поднимающегося из-за горизонта солнца я взлетел.

За ночь на холоде давление в мягких дутиках упало и при рулежке был слышен стук, да и вибрация ощущалась — колеса «отстоялись» на одном месте, образовав вмятины. Но быстро прогрелись, и когда я разгонял машину для взлета, вибрации исчезли. А затем и шуршание покрышек смолкло, ушло вниз с поверхностью взлетной полосы, с окружающими ее газонами, ангарами, стоящими плотными рядами самолетами. Точно, расширять аэродром надо, вон сколько сюда натащили.

Разглядел и оранжевый с красными полосами «твин оттер», возле которого сустились люди, заканчивающие погрузку. Ему тоже скоро вылетать, вот и готовятся.

Набирая высоту, «лайка» постепенно легла на линию курса, обозначенную на экране «гармина», и пошла по ней. Обороты перескочили на пятьдесят пять процентов, и самолет, развивая сто десять узлов, пошел над штатом Вайоминг — его холмами, заросшими желтой травой, серыми лентами дорог, лесами, ранчо и фермами. Пропеллер расплылся в прозрачный круг, перемалывая лопастями встречный ветер, ветер посвистывал в растяжках под крылом. Но слышно было все же больше мотор, который громыхал как в жестяном ведре, так что спасали от шума только массивные наушники, под которыми, к слову, все время потели уши.

Самолет прошел над баром «Шесть бревен», и я даже покачал крыльями, хоть на меня оттуда никто и не смотрел, и вообще все спали еще, наверное, прошел над сараем, где Бад поставил на сохранение мою «тойоту», над опустевшей фермой Джонсонов, той самой, что Бад недавно предлагал мне забрать и там хозяйствовать, как будто я это умею делать. Увидел я сверху груженный рулонами сена грузовик, что сразу вызвало не самые приятные воспоминания о недавних приключениях, а потом земля стала пустынной — такой, в какую она превратилась после Эпидемии.

А впереди по курсу лежал штат Монтана — все больше «индейская территория» в наше время, населенная пусть и немногочисленными, но злобными и агрессивными бандами, большая часть членов которых еще была и сильно не в себе из-за синдрома возвратного бешенства, RRS. Люди с синдромом были подвержены вспышкам немотивированной агрессии, часто выливавшейся в крайне кровожадные формы, и способов бороться с этим было ровно два: или получать инъекции сыворотки, или... или убивать до того, как тебя «сорвет с катушек». Большинство людей с синдромом предпочитало вакцину и нормальную жизнь, но кто-то нашел свои радости и в кровавых «цирках», предпочитая ловить и потрошить живых людей. И говорят, что для «синдромников» это становилось хуже наркотика.

Судя по тому, что мне уже довелось увидеть, в это верить можно. Безоговорочно. Такие вот... адаптанты, как подобных, только уже совсем ушедших на темную сторону, называли в Отстойнике. «Лезвия», «отверженные», «дети Тьмы», «живодеры» — о каких только бандах не рассказал мне депюти Поплавски, крутящихся к северу от Вайоминга. Они дерутся друг с

другом, устраивают набеги, ловят выживших, убивая или превращая в рабов, — в общем, все прелести постапокалиптического жилья из плохого кино превратились в реальность. Хорошо что не везде хотя бы.

Так что перспектива вынужденной посадки на территории Монтаны не слишком вдохновляла. Поэтому я держал поближе новенькую винтовку, заряженную пустоголовыми охотничьими патронами: на новые времена все ограничения и конвенции не распространяются. Да и не военный я вовсе, что мне все эти конвенции? Так что пусть будут такие патроны, которые не оставляют подранков, а если ранят, то только тяжело.

Впрочем, во время двух третей полета даже само понятие «вынужденная посадка» выглядело фантастическим — подо мной тянулись сплошные горы, а те дороги, что вели через них, были такими узкими и извилистыми, что не оставляли никакой надежды на успешную посадку самолета. Так что я время от времени вспоминал встроенный парашют «фоксбэта», который в случае неприятностей мог аккуратно опустить тебя на землю вместе с самолетом. Ну или относительно аккуратно. Хотя и перспектива приземления на парашюте тоже представлялась очень сомнительной.

В горах было пусто, ни людей я там не видел, ни машин. А вот после гор, когда самолет пошел над равнинами, какие-то признаки жизни появились. Немного, но все же несколько машин на дорогах я видел. Что за машины, кто в них и куда катил — понятия не имею, летел высоко и снижаться не собирался.

Монтана вообще не слишком заселенный штат, что очень заметно с воздуха, к тому же он намного больше соседнего Вайоминга, так что с момента пересечения границы и до самого Грейт-Фоллза я видел внизу разве что очень редкие ранчо и фермы, причем даже разглядеть, есть ли на них какие-то признаки жизни, не смог. Видел время от времени пасущихся коров и лошадей, но были ли это одичавшие животные или кто-то их выпустил пастись — опять же ни малейшего представления не имею. Внизу была пустота, бескрайняя и бесконечная пустота, что-то похожее можно видеть в Сибири ближе к Алтаю, там тоже вот так — поля и горы, горы и поля, если ехать, например, на машине из Барнаула в Новокузнецк.

Первый город, который появился на горизонте, как раз и был Грейт-Фоллз. Такой... вроде Баффало, чуть подросшего, или опять же Гарден-Сити, разве что Грейт-Фоллз был рассечен рекой Миссури на две неравные половины. А так все те же одноэтажные дома, застройка без экономии места, потому что Великие Американские Равнины были именно великими и просторными.

Город даже с воздуха выглядел каким-то пыльным и явно заброшенным. Солнце давно встало, утро уже вступило в свои права, и в голубом небе ни единого облачка, так что видно все было до самого горизонта. Справа по ходу я разглядел большой аэродром базы ВВС Малмстром, пустынный и неподвижный, а слева был городской аэропорт, на который и вела меня синяя линия курса.

— Эф-Оу-Би Фоллз, здесь «Хаски-один», как принимаете? — запросил я землю.

Ответили почти мгновенно, нас ждали:

— «Хаски-один», здесь Оу-Пи Фоллз, принимаем чисто. Как долетели?

— Эф-Оу-Би Фоллз, долетел штатно, запрашиваю разрешение на посадку.

— «Хаски-один», разрешение дано.

Ну и спасибо, что дано. Заодно с разрешением дали курс на заход. По навигатору, разумеется, наземные службы аэропорта здесь работали в крайне ограниченном режиме,

откликнулись — и все, и на том спасибо. Но сажать машину было несложно — полоса длинная, широкая, бетонная и гладкая, видимость такая, что лучше не придумаешь. Даже боковой ветер едва чувствовался — так, чуть-чуть покачивал. Поэтому сажал я машину на скорости, на два колеса, коснувшись полосы так нежно и гладко, что сам поразился — как это так у меня получилось? Но получилось — и хорошо, было бы куда неприличней, если бы я «закозлил» при посадке, вроде как заранее создав себе здесь репутацию неумехи. А в «умехи» мне все же еще рановато, наверное.

Справа от меня потянулись ангары и строения базы авиакрыла Национальной гвардии Монтаны, перед которыми в рядок вытянулось несколько сгоревших остовов боевых самолетов — явно последствие уничтожения всей тяжелой техники, что федералы не могли увезти с собой, отступая в Анклавы, или, как это называли официально, — на Федеральную территорию. Затем было здание терминала, стоянки, забитые машинами, частично огороженные остатки лагеря FEMA^[9], а уже потом я разглядел длинное-длинное сборное здание сортировочного центра UPS^[10], с огромной бетонированной площадью перед ним, куда, как сказал голос по радио, мне и было нужно. Когда я подкатил ближе, откуда-то из-за угла навстречу выехал защитного цвета немецкий G-wagen, который мигнул мне фарами, развернулся и поехал впереди, указывая дорогу.

— «Хаски-один», потом сам будешь свое место искать, — слышался молодой женский голос в наушниках.

— Принял, — ответил я нейтрально.

Ближе к терминалу я заметил пулеметные гнезда из армированных мешков с землей, пустые, правда, выложенные, наверное, на случай тревоги, изгороди из витой колючки между ними, еще «джи-ваген» в укрытии, причем с пулеметной башней на крыше. Это все из наследства местной национальной гвардии? Сомневаюсь, что-то я у американцев такого не видел. Из Канады пригнали, наверное. До Канады отсюда, в общем-то, не больше двух сотен километров.

Стоянка самолета была тоже прикрыта с трех сторон рядами огромных, перемещаемых краном мешков с землей и гравием. Опасаются обстрела откуда-то? По-иному такую конструкцию не объяснишь. А вообще обстреливать это место будет сложно, тут до ближайших строений в любую сторону... да метров пятьсот, наверное, а так с иных направлений и вовсе скрытно на дистанцию выстрела хотя бы из снайперской винтовки не подойдешь особо. Разве что из пассажирского терминала или из некоторых строений базы национальной гвардии.

Кроме того, множество больших мешков выстроено рядами вдоль стен ангара, местами так и в два яруса, прикрывая все от того же гипотетического обстрела его содержимое, а на углах крыши выложены укрытия для наблюдателей. И наблюдатель в одном из них, к слову, сейчас на месте — вижу округлый военный шлем в камуфляжном чехле.

Прижавшись виском к боковому стеклу, я пытался разглядеть путь перед собой, который в немалой степени загораживал задравшийся капот, но все же на указанное место вырулил. Опять же спасибо практике на По-2 — там вообще на рулежке не видно ни черта. Выжал тормоза, заглушил хорошо потрудившийся за время полета движок.

Все, я на новом месте. Где, как мне кажется, начнется новый этап жизни. Ощущение у меня такое, предчувствие. Предвкушение даже, может быть. Волнуюсь почему-то, хотя по логике здесь, среди чужих, я вроде бы даже среди своих, такой вот парадокс.

Когда пропеллер «лайки» остановился, наступила тишина. Даже постукивание дизеля

близко подъехавшего «джи-вагена» воспринималось как ее часть, настолько уже слух привык к постоянному гудению авиационного «лайкаминга».

Снял наушники и, вытащив носовой платок, с облегчением вытер уши — за несколько часов полета под плотно прилегающими чашками они сильно вспотели. Повернув рукоятку, толкнул дверцу справа. Верхняя ее часть поднялась к высокому крылу, а нижняя откинулась, давая возможность хоть и не слишком быстро, но все же выбраться из кабины. Хорошо хоть кресла в этом самолете удобные, даже задницу не отсидел за время полета. А вот выбраться из «фоксбэта» было намного удобней.

Солнечно, причем солнце довольно сильно греет. И яркое оно, солнце это самое, я даже под темными очками сощурился. Ветерок по лицу, откуда-то запахом костра вроде как несет. Тишина еще сильнее навалилась после того, как заглох двигатель «джи-вагена». Вообще тихим мир теперь стал, в иное время человеческому шуму даже радуешься — все какой-то признак жизни. Очень тихий, даже по-нехорошему, наверное.

Как-то сразу стало под солнцем жарко, я расстегнул «молнию» на камуфляжной охотничьей куртке, в которой так и предпочитал ходить с тех пор, как нашел ее в своем доме. Огляделся. Обратил внимание на выросшую по сторонам от взлетной полосы траву. Наверное, ее раньше стригли там, а потом перестали. А может, и нет. Но сейчас высокая и сухая.

Из остановившейся машины вышла молодая рыжая, стриженная под «солдата Джейн» девушка в прямоугольных очках, как-то некстати напомнившая мне Люси из Гарден-Сити. Правда, эта была моложе, с виду так лет двадцать, не больше. Одета она была в «компьютерный», или, как тут, оказывается, его называли, — цифровой камуфляж, состоявший из смеси черных, зеленых и салатовых угловатых пятен, обута в серо-зеленые высокие ботинки-берцы. На рукаве пятно велкро без всяких эмблем, а вот на груди полоска с именем: «Дж. Ханглинден». Скандинавское что-то.

Девушка была вооружена коротким автоматом с «ред дотом» на нем, который висел у нее на груди ловко и привычно. Тут уж кому чего, а у меня глаза на этом всегда задерживаются в первую очередь. Впрочем, если оружие на женщине, а женщина симпатичная, то во вторую. Эта была вполне симпатичная.

— Влад? — спросила она, протягивая руку. — Джейн.

Вот так, даже тут я с «солдатом Джейн» угадал.

— Влад, — представился я. — Как поживаете?

Рукопожатие было совсем не по-женски крепким, при этом я подсознательно ждал, что рука окажется суровой и мозолистой, но в этом ошибся — ладошка оказалась почти детской по габаритам, теплой и нежной. Молодая девушка совсем, и вся ее военная суровость заметно напускная, солидности себе нагоняет.

— «Оттер» сядет примерно через сорок минут, так ожидаем, — сказала она. — Пока можете затащить свои вещи, — она кивнула в сторону ангара с рядом подъемных ворот.

— Спасибо, — кивнул я, оборачиваясь к самолету и ныряя в багажный отсек «лайки».

Сумки, оружие... вообще-то не так уж и мало.

— Помочь? — спросила Солдат Джейн.

— У меня здесь патроны в основном, поэтому сумки тяжелые... а машину можно подогнать ближе?

— Можно взять «эль-карт», — сказала она, показав на целый ряд разношерстных тележек из тех, на которых грузчики перетаскивают холодильники, таких Г-образных, на

двух колесах, или для американцев L-образных, откуда и название, стоявших у стены терминала. — Нам здесь много тяжелого приходится перетаскивать.

— О, спасибо!

Действительно, тогда все очень упрощается.

Взял тележку, навалил на нее стопкой свои сумки, самые тяжелые уложив вниз, и потащил ее следом за Солдатом Джейн, уверенно топавшей впереди и показывавшей дорогу.

Полотно одних ворот было поднято, и я обратил внимание на несколько пулевых отверстий в створке, причем по их форме было видно, что стреляли снаружи. Колеса тележки глухо стукнулись о низкий металлический порожек.

Первое впечатление от терминала изнутри — почти что шок, настолько он был огромным. Метров двести в длину, наверное, и не меньше тридцати в ширину, лес металлических колонн поддерживает крышу. Внутри и машин, и прицепов было множество, но вместе с тем между ними оставалась целая прорва свободного места, настолько просторным был этот терминал. Где-то вдалеке глухо гудел генератор, откуда-то совсем сблизил тянуло запахами кухни, но ее я не разглядел — ряд трейлеров, похоже, закрывал. А, вижу, вон столы обеденные стоят в рядок, а сама кухня тоже в трейлере.

В дальнем углу терминала, где складские полки поднимались под самый потолок, фырча двигателем, работал вилочный погрузчик, перетаскивая ящики, и лысый красномордый дядька в возрасте, одетый в потертые джинсы и клетчатую рубашку, командовал оператору погрузчика, что куда ставить.

— Куда мне дальше? — Я остановился посреди большой площадки между трейлерами, не зная куда податься.

— А я не знаю, если честно, — решительность и уверенность с Солдата Джейн чуть слетела. — Энис живет в одном трейлере со мной и еще одной девушкой, а куда вам... Вот он должен сказать. — Она с явным облегчением показала в сторону высокого черного парня с короткой бородкой, который шел в нашу сторону.

Парень был по-настоящему высок и очень худ, поэтому казался даже не совсем настоящим, а скорее персонажем с плаката про освобождение Африки от какого-нибудь там гнета. Лицо — сплошь кости, глаза большие и вместе с тем глубоко запавшие, вроде как голодал поколениями. Одет он был так же, как и Солдат Джейн, то есть в камуфляж, при этом с первого же взгляда было понятно, что человек он насквозь гражданский. Обычно это сразу замечаешь, надев на такого военную форму. На парне она висела как на вешалке, а тощие ноги в военных ботинках шаркали по бетонному полу.

— Теренс, — парень еще на ходу протянул руку. — У нас тут немного суетно из-за того, что готовимся к приему людей... — Он смутился, сообразив, что прозвучало двусмысленно, после чего добавил: — А вы все равно здесь остаетесь, насколько я понял, так что устраиваться будете отдельно, так?

— Надеюсь, — пожал я плечами, не до конца даже понимая, что он подразумевал под «отдельно».

— Вы же муж и жена с Энис, верно?

— Да, — после короткой паузы кивнул я, так до конца и не привыкнув к имени «Энис».

По крайней мере понял, что он имеет в виду.

— Везучие, — покачал он головой. — Нет, поймите правильно, я не о том факте, что вы сюда провалились, я о том, что... — Он поднял худые ладони с длинными пальцами в защитном жесте. — ...Ну, я бы хотел оказаться здесь с женой, а не думать о том, что... — он

явно растерялся, запутавшись в словах.

— Я все понял. И сразу с вами согласен.

— О'кей, в общем, я к тому, что мы как-то устроим вас по-другому, вдвоем, надо просто пригнать еще один трейлер...

— От дилера? — спросила Солдат Джейн.

— Конечно, — усмехнулся Теренс, — откуда же еще? — он обвел рукой помещение склада, обращаясь ко мне: — Все это взято со стоянки «Ар-Ви Сентрал», это здесь рядом... но там запасы закончились. Так что придется ехать в центр города, к «Пирс Ар-Ви Суперсентер», там всего намного больше. Поедете? — Он вдруг внимательно посмотрел мне в глаза, и я решил, что это уже какого-то рода тест.

На слабо, что ли? Так ничего, я съезжу, если там не совсем уж рассадник тварей. Я много куда ездил, думаю, что местным такое и не снилось, что я в своих поездках повидать и встретить успел.

— Поеду, — ответил я, — было бы на чем.

— Этого у нас хватает, — вроде как успокоил он меня. — Пошли покажу, куда можно положить вещи, пока найдете себе жилье.

Терминал условно делился на три части — жилую, где стояли трейлеры, гараж, где рядами выстроились машины, все больше окрашенные в армейский зеленый цвет, и расположенную между ними общественную зону, где стояли столы для пинг-понга, пула, висели доски для дартса на колоннах, а у дальней стены было оборудовано даже что-то вроде кинотеатра — там на стене висел экран, а перед ним рядами расставлены складные стулья. А у противоположной стены я заметил стойки со штангами и гантелями, тренажеры — все правильно организовано, в общем, жить, похоже, можно.

А машин было много действительно. С десятков «джи-вагенов» разных типов, какие-то защитного цвета пикапы и три грузовика, напоминавших наши военные КамАЗы. Все с белыми силуэтами кленового листа на номерах, так что точно из канадских запасов. И заодно заинтересовали три выбивавшихся из общего стиля песочного цвета «унимога», сделанных в конфигурации «гантрак», наверное, иначе не назовешь — явно бронированные борта, откидное лобовое бронестекло и какое-то ненормальное количество пулеметов, торчащих во все стороны. На таком, наверное, нам и надо было через Грейбулл прорываться, паля со всех стволов.

— Этого нам с запасом, — перехватил мой взгляд Теренс. — Нас тут всего сорок два человека в смене, если не считать тех дней, когда сюда приходит конвой из Вайоминга, так что свободная машина всегда найдется.

— А бензин?

— У нас База все же на «нефтяных песках Атабаски» находится, а это все целиком состоит из бензина. И на самом аэродроме оказался довольно большой запас. А вообще мы берем его с местной нефтебазы, его здесь еще очень много. — Тут он переключился на актуальное: — Вот что, давайте пока свои вещи ко мне в трейлер, а чуть позже разберемся. Я бы просто здесь посоветовал бросить, у нас никто ничего не возьмет, но сегодня будут новые люди со своими вещами, будет суета, так что могут что-то перепутать и случайно прихватить ваше, а потом ищи его. Так что прошу, — он показал на небольшой серо-белый прицеп с открытой дверью. — Прямо на кухне все бросайте, и если надо что-то достать или переодеться — не стесняйтесь, у меня все равно дел полно, я пошел.

— А мне дальше куда? — немного растерялся я.

— Вход в офис видите? — Он показал на «подвесную» офисную пристройку, к двери которой вела сварная лестница. — Я там буду, просто приходите. Оружие есть?

У него было — компактный пистолет-пулемет Р90 висел у Теренса на боку. Ничего так выглядит, хоть и футуристично. Подумалось, что для летчика что-то подобное лучше всего и будет, я про это оружие читал в свое время. А у меня теперь только длинная винтовка и пистолеты. Поэтому ответил с намеком:

— Такого компактного нет, — показав при этом на его оружие, — только винтовка.

— Выдадим, — ответил он коротко. — Для пилота в самый раз.

Ну да, я и говорю.

Заволок сумки в трейлер, попутно обратив внимание на монастырский порядок в нем: все на своих местах, постель тщательно заправлена и разглажена. Как-то даже странно выглядит с поправкой на внешность самого обитателя трейлера — расхристанного и взъерошенного.

Доставать из сумок, равно как и переодеваться, я не стал, смысла нет. Наоборот — засунул винтовку в чехол и тот примотал к сумке, пусть здесь остается. И вышел наружу.

Ну что дальше? Идти к Теренсу? Ну да, что еще делать.

А правда огромный терминал, только сейчас понял, когда пешком через него двинул. Сколько здесь трейлеров и машин ни стоит, а запихать еще пять раз по столько же можно. Прямо целый поселок под одной крышей получился. Неплохо устроились, очень даже неплохо.

За мной приглядывали, оказывается. Когда подошел к лестнице, увидел, что в стеклянном скворечнике под крышей сидит, похоже, дежурный, или дневальный, наблюдающий за внутренним пространством склада. Когда мы встретились взглядами, он кивнул и слегка помахал рукой, так что я вежливо ответил тем же самым.

Лестница предсказуемо была гулкой, заставляя ставить ноги аккуратно, легкая пластиковая дверь открывалась на площадку. А за ней оказалось на удивление большое и просторное помещение, в котором сейчас находилось не меньше десятка человек, разом повернувшихся ко мне.

— Привет, — сказал я, обращаясь ко всем.

— Привет, — ответили все.

— Это Влад, муж Энис, — отрекомендовал меня Теренс. — Он будет у нас за пилота-наблюдателя.

— Привет, Влад, — почти что хором сказали люди в офисе, и это почему-то напомнило мне собрание анонимных алкоголиков: «Привет, меня зовут Влад, и я алкоголик! Привет, Влад!» Или анонимных пилотов-наблюдателей. Или анонимных мужей Энис.

Но вообще было видно, что здесь работают. Дальний угол был занят какими-то зелеными ящиками с электроникой — думаю, что это была радиостанция. Хотя бы судя по толстым кабелям, уходившим прямо в потолок. Уверен, что там установлена антенна. Возле нее дежурили двое, мужчина и женщина, одновременно помахавшие мне рукой.

Ну да, они же постоянно ведут передачи, на случай если кто-то из провалившихся сюда чужих догадался включить радио и начать искать станции. Отсюда это и делают, наверное.

В углу стояло что-то напоминающее большой копировальный аппарат, а возле него лежали стопки каких-то флаеров или черт его знает как это все назвать. Теряться в догадках мне не дали: молодой парень в очках без оправы протянул руку и представился:

— Марк, — после чего добавил, как раз показав на флаеры: — Ты и будешь, получается,

разбрасывать это над дорогами.

Марк тоже военным не выглядел — невысокий, пухловатый, рано лысеющий, не слишком успешно пытающийся отрастить мужественную бороду на круглых розовых щеках. Рука у него тоже была белой, пухлой и мягкой.

— Влад, — представился и я, протянув руку за флаером и спросив заодно: — Можно глянуть?

— Конечно. — Он взял верхнюю листовку из стопки и протянул мне. — Просто объясняем, кто есть кто и куда чужому идти. Или ехать. И вот здесь, на карте, — он перевернул флаер, — обозначены наиболее опасные места. Это новое, — добавил он. — Как ни странно, а только сейчас до этого додумались. До сих пор ставили плакаты, но их сбивают, долго не стоят. А если флаерами все окрестности засыпать, то люди обязательно прочтут.

— В Баффало, я смотрю, тоже советуete добираться? — обратил внимание.

— Да, у нас же с ними соглашение.

Как-то быстро со всеми перезнакомился, никого сразу не запомнив, как обычно и бывает, понял только, что этот большой офис и есть центр жизни самой Базы. Еще заметил, что почти все люди были вооружены как минимум пистолетами, а у дверей, у выхода, виднелась самодельная оружейная пирамида, в которой хватало выстроенных в ряд автоматов. То есть причина быть настороже здесь все же имеется?

— Нападают? — спросил я у Теренса, показав на оружие.

— Начинают, — кивнул он. — Раньше только монстры, а теперь, похоже, будут проблемы еще и с бандами.

Настя мне об этом говорила, Теренс лишь подтвердил то, что я и так знаю. База уже четыре месяца как здесь работает, и только в последний, до того как она улетела в Баффало, было несколько инцидентов. Вроде не слишком впечатляющих, но что-то все же было. И это знак того, что дальше их будет, похоже, больше. Заодно вспомнились дырки от пуль в воротах.

— Я бы... — Фразу продолжать я не стал, но показал на автомат Теренса: — Если надо летать, то пригодится.

— Пошли, — махнул он рукой.

Идти пришлось недалеко — в тот «скворечник», в котором сидел дежурный, среднего роста плотный парень в цифровом камуфляже. Здесь почти все были в камуфляже, военном, однотипном, думаю, что в канадском, хоть ни у кого никаких эмблем на липучках велкро не висело. Логично, в общем, в таких местах, где стреляют, своих лучше сразу и издалека отличать. И форма в этом очень сильно помогает.

— Хэнк, Влад, — представил нас с парнем другу другу Теренс. — Хэнк, выдай человеку вот такой, — он похлопал по своему Р90, — еще пистолет, патроны и форму. Он здесь остается, с нами.

— Это ты парень Энис? — с явным любопытством спросил Хэнк. — Обалдеть. Правда, что вы провалились сюда вместе, а ты вышел из сарая через полгода после нее?

— Правда, — кивнул я. — Через восемь месяцев.

— Обалдеть, — повторил Хэнк. — Нет, сюда семьями тоже проваливались, но обычно все вместе.

В общем, слухи преодолевают расстояния ничуть не хуже радиоволн. Точнее, их посредством, как я думаю. В общем, меня здесь явно ждали, и к тому же моя персона вызывает любопытство. Впрочем, у меня на их месте она бы тоже его вызывала. К счастью,

Настя никому не рассказала здесь о том, что мы провалились уже второй раз и во второй мир. Иначе вообще бы проходу не было, наверное.

— Ты здесь главный по складу? — спросил я, когда Хэнк полез в штабель пластиковых контейнеров на колесиках, составленных вдоль стены.

Там же рядом был штабель зеленых ящиков, явно с оружием и патронами.

— Нет, я здесь вроде как за охрану, сейчас на дежурстве, — помотал он головой, снимая верхний ящик и со стуком опуская на пол. — У нас кто тут дежурит, тот и главный. Размер у тебя какой?

В общем, к тому времени, как «твин оттер» опустился на взлетно-посадочную полосу аэродрома и, гудя моторами, медленно и важно прирулил к своему месту за стеной мешков, я уже успел переодеться и даже вооружиться. В форме я чувствовал себя как-то неправильно, такое ощущение было, что призвали против всякого моего желания. Нет, я был готов и рад помогать новому своему анклаву, но... черт его знает. Хоть форма и удобная, а зеленоватые ботики так и вовсе выше всяких похвал, как кроссовки на ноге сидят, и ходишь в них почти бесшумно, но что-то не так, а что именно — сам не пойму. Ощущение.

При этом форма включала все — и легкий шлем с открытыми ушами, и разгрузку, именуемую «плейт-карриером», и эти самые «плейтс» — то есть плиты, которые вставляются внутрь разгрузки, превращая ее в увесистый бронезилет. Были очки, были активные защитные плоские зеленые наушники, была радиостанция, подключавшаяся к этим самым наушникам... в общем, оснастили как спейс-труппера. Космодесантник прямо. Может, в этой действительности и нормально, но для меня, отставшего от этой формы на целых двенадцать лет, все выглядело чуть ли не как в кино.

— Это с базы специальных сил, — пояснил Хэнк. — Армия у нас, кануков^[11], вооружена все же чуть-чуть попроще. И в этой действительности, и в моей.

Ну да, подобные шлемы, кажется, я видел на «дельтах» из кино про «черного ястреба», что упал. Может, и не точно такие же, но что-то вроде.

— А ты канадец?

— Да, из Торонто.

— А ваши в Баффало вроде по-граждански были одеты, — вспомнил я.

— Специально так делаем, чтобы никого не раздражать лишней раз, — пояснил он, копаясь в ящиках. — Форму здесь носим, и то не все. Люди теперь везде нервные, так что в гостях лучше выглядеть миролюбиво.

Ну да, разумно. Ладно, поносим, чего уж там.

— Тебя за трейлером уже послали? — неожиданно спросил Хэнк.

— Это уже всем известно? — поразился я, глядя на него с недоумением.

— А как же, — усмехнулся он, — у нас каждый ездит, как здесь появляется. Уже традиция.

— А, вот оно что, «прописочка», — добавил я термин по-русски. — Тогда без проблем. Только вопрос: кто-то еще со мной поедет?

— Я поеду, примерно через час сменюсь, — сказал Хэнк. — И еще пара ребят. Прикроем, ты не беспокойся.

— А как здесь вообще с тварями? Много?

— Когда как. — Он изобразил некий жест рукой, который должен был обозначать неопределенность. — Бывает много, а бывает, что исчезают, как в унитаза смыло. Возьмем «гантрак», — он показал на перевооруженный до беспредела пулеметами рейдовый

«унимог», — к нему в любом случае не подойдет.

Мне опять вспомнился наш прорыв через Грейбулл. А и вправду грузовичок хороший, внушает уважение. И опять же как-то вспомнились старые американские бронетранспортеры М2 из Отстойника, на которых при этом стояло аж по три пулемета, — очень, говорят, хороши были в рейдах к границам Тьмы.

— Кстати, семь-шесть-два снайперский у вас есть? — спросил я невинно, разглядывая заодно и штабель патронных ящиков.

— Есть, а что? — кивнул Хэнк. — Штатный патрон в Канаде, для снайперов. Надо?

— Надо, у меня винтовка есть.

Патронов дали, за что большое спасибо. У меня больше охотничьи, у них все же кучность похуже, так что пусть и матчевые будут, пригодятся.

С прилетом «твин оттера» в терминале стало немного суетно, даже Настю я успел обнять всего лишь мимоходом. Новеньких прибыло всего с десятков, остальные ждали то ли сухопутного конвоя, то ли следующего рейса. Приехавшие, как я заметил, размещались не в жилых трейлерах, а в выстроившихся у торцевой стены «контейнеризованных жилых модулях» — том, что у американцев заменяет на войне палатки. Такие кирпичи-дома на две крошечные квартирki, сделанные в размерах стандартных морских контейнеров. Туалетов в них нет, бегайте в синенькие «биокабинки» в огороженном углу, душ тоже отдельно, хотя раковина, бак с водой и даже кондиционер есть в каждом. Но жилой трейлер я бы на такое не поменял, это точно.

— Сначала в контейнерах мы жили, — сказала Настя, увидев, как я их разглядываю. — Потом обнаружили стоянки с Ар-Ви и решили устроиться получше. Кстати, тебя Теренс уже запряг добывать нам прицеп?

— Об этом по радио объявили, что ли?

— Почти что, — засмеялась она. — Вместе бы поехали, но с самолетом маленькие проблемы, так что здесь должна остаться. И вообще это задание для новичков, а я здесь ветеран. Так что давай, дуй один.

— Дорогая, — я притянул ее к себе и поцеловал в висок. — Я тебя в Углегорске в такие места не брал и брать не собирался, и здесь не возьму. С чего теперь-то вдруг?

— Брать не собирался, только набегалась я с тобой и настролялась на всю жизнь, — вздохнула она. — Я тебя, конечно, спрашивать теперь буду.

— Придется, — пожал я плечами.

Она только фыркнула, но ничего не сказала. Но вообще-то я прав — шастать по нехорошим местам раньше было именно моей профессией, не ее, она была пилотом и летала. Хотя раз вытащила нас из глубокой задницы, прилетев эдаким ангелом-спасителем, в которой мы оказались в результате наших хождений. Но я за такое даже зарплату получал, так что...

— Ладно, только выбери хороший прицеп, нам в нем жить с тобой. И не слишком большой.

Ага, вот и пожелания. Немедленно начинаем их учитывать.

— Долго жить будем?

— Месяц, потом смена прилетит, — ответила она, открывая дверь прицепа, в котором жила сейчас, «дамского». — Мы здесь по два месяца дежуриим и на столько же сменяемся. И тогда домой. В нормальный, хороший дом на берегу чудесного озера. На другие два месяца спокойной жизни, чистого отпуска. Ты рад?

— Счастлив, — сказал я, не покривив душой ни на йоту.

Теперь уже она нагнулась со ступеньки, чтобы поцеловать меня, а затем ушла в трейлер переодеться. А я поднялся в «скворечник» к Хэнку, где очистил от смазки полученный автомат, заглядывая в выданный мне мануал. Ничего так, разборка и вовсе проще простого, защелку пальцем утопил — и он весь разобрался. Его бы еще и пристрелять, но не успеваю. Кошмар и безобразие, конечно, но по опыту знаю, что в принципе на хранении армейское оружие лежит в пригодном к бою состоянии, как раз на случай чего. А то война, а тебе еще и пристреливать. Да и дистанции применения у него...

Поприкладывался, целясь в стенку, — вроде удобно, разве что прицел на планку сел очень уж высоко от оси ствола. Это если с небольшой дистанции целиться в голову противнику в бронежилете, например, то можно и промахнуться. Поправки учитывать надо. Ну да ладно, зато он очень компактный, а патрон все же куда мощнее пистолетного.

Потом был ланч, вполне приличный. Почти все население Базы, свободное от нарядов, собралось за выстроенными в ряд легкими садовыми столами рядом с кухней-прицепом, из которого пахло очень даже привлекательно. Хотя кормили, естественно, бургерами. Правда, мясо было прожарено хорошо, а булочки под них пекли прямо здесь, так что не «макдоналдс», тут как бы без вопросов, качество лучше некуда. И салат в качестве «бокового блюда», то есть гарнира, имелся. Толстый черный парень в белой куртке шефа и клетчатом колпаке ловко собирал бургеры, выкладывал их на маленькие штампованные подносы, рядом размещал тарелочку с салатом «коул слоу» и выставлял на стойку перед собой, откуда их и разбирали. Кофе каждый наливал уже себе сам из огромной кофеварки, причем по американской традиции кофе был никакой, одно название. А рядом был магазинный холодильник, заваленный под крышку маленькими пакетами с соками, самыми разными. Алкоголя, даже пива, не было. Оно и хорошо, наверное, раз тут вахты.

Впрочем, я как клещ вцепился в маленькую бутылку диетической колы, которую выловил из длинного низкого холодильника. Раньше я эту самую колу и не любил особо, точнее даже вовсе не любил, а вот как остался без всего такого в Углегорске, так прямо... в общем, до сих пор напиток не могу, как маньяк на нее кидаюсь, если холодная, сам себе удивляюсь.

Хэнк подсел к нам за стол, два бургера на подносе плюс огромная кружка кофе с молоком. С Настей поздоровался как старый приятель, а из ее реакции я заключил, что так оно и было, потом он повернулся ко мне:

— Готов ехать сразу, как доедим?

— Хоть сейчас, я уже почти доел. — Я ткнул пальцем в свой поднос, в котором только недопитый кофе стоял. — А кто еще?

— Джейн, Рон и Джастин еще будут... Джейн ты уже встречал, верно?

— Рыжая девушка?

Хэнк кивнул.

— Она меня встретила, — поправил я его, — как прилетел.

— Она всех встречает. Ты во-он тот «милкотс» бери, первый слева, видишь? — Он показал на зеленый пикап. — К нему трейлер цеплять удобно. Водишь хорошо? С прицепом ездил?

— Вожу хорошо, с прицепом ездил, — дал я исчерпывающий ответ. — А машину как брать? Ключи у кого? Она вообще заправлена?

— Ключей у военных машин нет, — наставительно сказал Хэнк. — Брать ее очень

просто: сел и поехал. Потом поставишь на место. Машины всегда заправлены под крышку. Вернемся — дольем до пробки, даже если всего полгаллона используем.

Вот так. Действительно все просто. А с другой стороны, зачем усложнять, если здесь все на виду и людей пяти десятков не наберется? Угонит, что ли, кто-то машину? Очень даже сомнительно.

Машина была обычным пикапом «Шевроле Сильверадо» с большим дизелем и пятиместной кабиной, только крашенной в матово-защитный цвет и стоящей на грубых зеленых колесных дисках вместо пышных литых. Кузов закрыт «раковиной», в салоне все максимально просто — сиденья из серой ткани, вместо стерео — стойка радиостанции. Из бампера торчит длинная антенна, согнутая и закрепленная концом на «раковине». Да, сам бампер силовой, не пластиковый, как на гражданской машине, а железный, сварной. При желании таким и толкнуть что-то можно.

Интересно, почему его «милкотсом» назвали? Какая-то военная аббревиатура, понятное дело, но расшифровать даже прикидочно не получается. Надо будет спросить позже^[12].

Но так все знакомо и привычно, никаких проблем не вижу. Заводится кнопкой, только перед этим надо еще тумблер повернуть. Повернул со щелчком, нажал кнопку — затарахтел дизель. Сразу же его заглушил, чтобы в терминале не вонять: на ходу потом прогреется. Ну все, готов ехать. Автомат повесил на грудь, проверил, как сидит, — нормально, рулить не мешает.

Затем подошли Хэнк и Солдат Джейн, и с ними еще двое — среднего роста худощавый парень с длинноватыми темными волосами, выбивавшимися из-под кевларового шлема, он представился Роном, и рослый, даже чуть толстоватый блондин с круглым лицом и маленькими глазами, вооруженный пулеметом, — Джастин. Хэнк представил нас друг другу, после чего вся компания полезла в «гантрак».

— Интересная машина, — сказал я, разглядывая этот странный полуоткрытый грузовик. Двери явно бронированные, но без боковых окон, впереди бронестекло, но оно опять же откидывается, в бортах кузова явно броня, но прикрывает стрелков хорошо если до груди. А у заднего борта так и вовсе штабелек мешков с песком. Думаю, что если задний борт из броневой стали делать, то его уже не откинуть и не поднять будет.

— А это сами ставили? — спросил я, показав на сетку в рамках, поднимавшуюся над бортами.

— Сами, — сказала Солдат Джейн. — Прямо здесь. Это от тварей. А вообще это коммерческая машина, целую кучу таких на складе в порту наши, почти случайно — такие для наемников делали, сопровождать конвой где-то в Азии. Здесь даже автоподкачки колес нет, гражданский грузовик.

— Я на «полтинник», — объявил Джастин и, пыхтя и громыхая железом, полез в кузов, устроившись за крупнокалиберным пулеметом в поворотном круге.

Следом в высокую машину вскарабкались остальные, причем Солдат Джейн уселась за руль, чего я как-то не ожидал. А я метнулся за руль защитного «шеви», едва успев пристроиться в хвост рванувшего с места «унимога», выкатившегося в быстро открывшиеся ворота.

Вильнув между мешочными укреплениями, ошетилившийся пулеметными стволами «гантрак» выскочил на узкую асфальтовую дорогу, которая вывела нас на бетонку, а уже та утащила в тихий пригород, застроенный премануфактеред-домами, то есть теми, которые построены на фабрике, а потом их привозят на трейлерах целыми блоками и устанавливают

на фундамент.

И тишина, по-прежнему тишина вокруг, такая плотная, что ее даже не может разрушить рык двух дизелей. И сквозь него слышно, как поют птицы — множество птиц. Руку на отсечение — не было их здесь раньше столько, когда место было еще заселено людьми. Пройдет совсем немного времени, и все здесь будет выглядеть по-другому — начнут разваливаться дома, как разваливается любое жилье, оставшееся без человеческого присутствия, окончательно зарастут дворы, заржавеют и осядут на потрескавшихся колесах брошенные тут и там машины. Город умер, живые из него ушли, чтобы жить группами и сообществами, а групп этих не хватает на всю опустевшую землю.

Мелькнули какие-то заросшие кустами пустыри, за ними трейлеры на фундаментах, и возле них старые пикапы. А асфальт, к слову, как в нашей самой глухой глубинке: неровный и выбитый. Потом вдруг увидел кривобокий сарай, на котором было написано «Бар и Казино», отчего я чуть не выпустил руль от удивления, но как-то совладал с собой, пытаюсь вообразить, чем может быть «казино», зажатое между каким-то складом и пустырем. А возле казино два расклеванных птицами трупов, от них почти что одни кости остались, и волна трупной вони, доходящая до самой дороги. С самой Эпидемии лежат или после убиты?

— Бандиты между собой разбирались, похоже, — вдруг заговорило радио голосом Хэнка. — Недавно совсем там не было ничего. А вообще в городе много где пахнет.

Да наверняка, это я и по другим местам уже понял.

Кстати, возникло ощущение, что спутники мои тут скорее в войнушку играют, чем всерьез готовы отбиваться в случае атаки. Нет, твари им не страшны, ну а если нападут люди? Мне хорошо видно, что они в грузовике просто болтают, секторов наблюдения никто не распределял, несутся что есть дури, развлекаются, в общем, крутыми и лихими себя ощутили. Да и военным никто из них, кроме Хэнка разве что, все же не выглядел. Так что самому бы надо внимательней, а то влипнешь с такой защитой...

Машин на проезжей части мало, почти совсем нет, они все больше у домов стоят, дороги везде свободны. С приходом Эпидемии массовые исходы разве что из больших городов происходили, люди пытались вырваться оттуда, но их не выпускали, а вот в местах поменьше все наоборот — бежать было особо и некуда и незачем, так что люди болели, умирали, и с каждым днем на дорогу выезжало все меньше и меньше машин. И так до тех пор, пока все машины не оказались на стоянках. А потом почти все и умерли, разве что те, у кого обнаружился иммунитет, уцелели. Но они или перебрались южнее, в Анклавы, или просто покинули города, в которых отключившееся электричество убило канализацию и водопровод и в которых пахло трупами из половины домов. Так что города остались пустынными и покинутыми, пригодными разве что для обитания всяких животных, ну и тварей заодно, привлеченных тенью прошедшей здесь смерти.

Потом дома вдоль дороги стали приличней, а сама дорога обзавелась аккуратными бетонными отбойниками вместо пыльной обочины и обгрызенных временем и непогодой краев асфальтового полотна. Затем был мост через Миссури, которая здесь не шире Москвы-реки, а может, даже и уже, а за мостом опять было казино, но уже чуть-чуть приличней того сарая — все же в быстросборном ангаре расположившееся, а возле него какие-то трейлеры, и мне почему-то подумалось, что в этих трейлерах на стоянке местные шлюхи должны были обслуживать игроков, причем откуда взялась такая идея — сам не пойму, я про этот город почти никогда ничего не слышал и даже о том, что здесь разрешена игра была, — ни сном ни духом.

А вот тварей я пока не видел и вроде бы даже не чувствовал. Прислушивался к «внутреннему радару», но тот никакой тревоги не поднимал. Впрочем, ехали мы слишком быстро для того, чтобы я мог что-то ощутить, «гантрак» несся на всех парах. Дорогу сидящие в нем явно знали хорошо, налететь на препятствия не боялись, хоть, может, и зря, да и сама дорога, едва мы пересекли мост над Миссури, стала широкой, прямой и повела нас сперва меж торговых центров, потом меж автомобильных «дилершипс», заправок, стоянок, стоянок и еще раз стоянок, и все это было похоже на любой другой не слишком большой город, они прямо как близнецы все. Разве что казино в других местах столько не было, а тут они в каждом квартале, да еще и с виду какие-то помойные совсем, Нью-Васюки, блин.

Затем я увидел и вытянувшиеся вдоль дороги «мобильные дома» — Ар-Ви, построенные на базе автобусов. А нам нужны прицепы. Так, напротив прицепы, только все большие какие-то, нам на двоих такие не подойдут, пожалуй.

— На месте! — вновь на частоте возник Хэнк. — Справа смотри.

— Вижу, — ответил я.

И верно, за автобусами оказался ряд относительно небольших прицепов, стоящих прямо как надо, сцепками к проезду. «Шеви» свернул с дороги, а «гантрак» остался стоять на разделительной полосе, оцетинившись во все стороны стволами пулеметов.

Подъехав к ряду прицепов, я остановил машину, заглушил, прислушался, открыв дверь, — только птицы. И в «гантраке» негромко переговариваются. Могли бы и помолчать, к слову, слушать обстановку надо, раз уж ты на выходе.

Выбрался на асфальт стоянки, замер, удерживая приклад автомата у плеча, огляделся, прикидывая, где может укрыться неведомый враг. И пришел к выводу, что где угодно: пусть высоких зданий здесь и нет, все одноэтажное, но машин полно, и с любого направления сплошные укрытия.

Ладно, делом надо заниматься, раз тут тихо. Вот как раз и прицепы какие нужны — не слишком длинные, двадцатидвухфутовые «проулеры», то есть чуть длиннее семи метров. Для двоих достаточно. А вообще много здесь трейлеров, до черта, целый город расселить можно, наверное.

Подошел к крайнему, подергал ручку двери — заперто. Сразу же рация заговорила, за мной наблюдали:

— Ключи в офисе должны быть.

— Есть идеи, где именно? — уточнил я.

— Мы тут пока не были, — ответ немного с усмешкой, как мне показалось.

Ну да, «прописочка». Перехватил оружие поудобней, указательным пальцем провернув колесико переводчика в положение «Auto», пошел к офису — одноэтажной красно-белой стекляшке с надписью «Пирс Ар-Ви» по всему фасаду, поедешь мимо — точно не пропустишь.

Подойдя ближе, опять замер, опустившись на одно колено и слегка стукнув об асфальт щитком — их мне тоже выдали. Вгляделся в стекло, пытаюсь разглядеть за ним, несмотря на блики, какое-нибудь движение, прислушался к «радару». Нет, тут тварей нет, не ощущаю я их, хотя какой-то их след все же присутствует. Словно бы намек на ощущение.

Вновь по сторонам — нет движения. «Гантрак» на месте, в нем опять все болтают. Партизанщина какая-то. Хэнк сказал, что он тут за охрану и оборону? Я бы такого «оборонителя», будь моя воля...

Дверь. Дверь закрыта и открывалась, похоже, автоматически. Так что придется крушить.

— Дверь выбивать придется, потом туда кто хочешь зайдет, — сказал я в рацию.

— А что поделаешь? Пусть заходят. Просто прикроем.

Начнут заходить, а потом какая-то тварь там на гнездовье устроится. Надо будет хотя бы задвинуть двери чем-нибудь, прицеп подогнать или что-то другое. Так, а чем стекло бить будем? Автомат в нем разве что аккуратных дырочек наделает, а мне дверь разрушить надо... Машиной? Ну да, а чем же еще.

Подогнал «шеви» к двери, прицелился мощным сварным бампером, чуть разогнавшись, ударил в толстое стекло, сразу же утопив тормоз в пол. Стекло сначала как-то загудело, потом с треском лопнуло и со звоном посыпалось. Не выходя из кабины, я пару минут прислушивался, но опять же ничего не случилось, даже эха от разбитой двери не было.

В этом офисе, как в любом другом, — столы сейлзменов^[13], разделенные перегородками, рекламные плакаты в рамках на стенах, доска «работник месяца», диваны у кофейных столиков, стопки журналов и рекламных проспектов. Я опустил ствол автомата, которым обводил помещение, — чисто.

Где могут быть ключи? Да где и всегда — или вон в том шкафу, или в одном из столов. Оказались в шкафу, в первом же месте, куда я сунулся. Большая пластиковая коробка, ключи с бирками, по маркам... и по номерам, ага. Нормально. Все как всегда, я уже заглядывал в подобные места.

На улице все так же тихо, слышен смех со стороны «гантрака». Так, а вот трейлера я ни разу к машине не цеплял. Разберусь хотя бы или придется на помощь звать? Ладно, позову, если что, ничего страшного.

Выбрал, к какому из одинаковых «проулеров» удобней сдать задом, и придвинул машину к нему. А дальше-то что?

Нашел в кузове железяку с крюком, которую вставил в проушину другой железяки, висящей сзади на раме «шеви». Закрепил толстой шпилькой, а ее, в свою очередь, уже тонкой. А теперь?

У трейлера спереди какая-то вертикальная штанга с вращающейся ручкой, на домкрат похоже. Попробовал вращать — ага, поднимается понемногу. Так... это мне надо будет сдать задом так точно, чтобы набалдашник крюка оказался под вот этим колпачком... нет, не смогу один, это точно.

Помочь вызвалась Солдат Джейн, просьбе никто не удивился. Спрыгнула с «унимога», подбежала, заглянула за задний борт грузовика и тут же взялась сигналить руками — мол, «сдавай назад помалу». Большой дизель «шеви» зафырчал, захрустела под крышками скопившаяся на стоянке пыль, я чуть подал машину назад, потом еще, еще, пока Солдат Джейн не застучала по борту и не крикнула: «Достаточно!»

И тут же побежала обратно к «гантраку», придерживая автомат на бегу рукой. А я, выбравшись из кабины, обошел машину сзади и опять принялся вертеть ручку, теперь опуская дышло трейлера на крюк.

Когда раздался первый выстрел, я даже не понял, что это такое, — расслабился и своими делами увлекся. Услышал лишь громкий щелчок с хлопком, и только когда донесся второй, я сообразил, что это стреляют. Кто и в кого — потом разберусь, а пока — ноги!

Схватив из кузова автомат, рванул в офис — там парапет бетонный, за ним залечь можно. Если не понимаешь, откуда стреляют и в кого, — укройся, потом разберешься, не схвати пулю в башку, пока будешь ею крутить, пытаясь понять что к чему. Пробежал по рассыпанному хрустящему стеклу, отбежал от двери, упал на живот — и лишь когда убедился

в том, что стреляют не по мне, приподнялся над укрытием, тут же сообразив, что ничего с этой позиции толком не вижу: все трейлеры закрывают.

С дороги затарахтел единый пулемет, к нему гулко, как молотком по железной бочке, присоединился «полтинник», взревел дизель «унимога», грузовик, частично видимый мной, начал резко сдавать назад, явно стараясь уйти с середины дороги в какое-то укрытие. Значит, стреляли в него. И стреляют, просто за грохотом пулеметов мне слышно плохо.

Откуда? Адреналин уже хлынул в кровь потоком, в ушах стучит, надо нервишки как-то в кучу собрать и успокоиться. Так, вдох-выдох, внимание, у меня дело сейчас — воевать надо. Откуда-то с противоположной стороны улицы, по диагонали по ходу нашего движения, из автоматов стреляют, судя по звуку. Что делать?

Ну вообще-то передвигаться и маневрировать я могу, ряды трейлеров прикроют. А куда передвигаться и маневрировать? А к следующему зданию — там тоже какой-то «дилершип», такой же одноэтажный офис, но на крышу его ведет пожарная лестница, как раз с этой стороны.

А умно это, на крышу-то? На крышах силуэт сидящего человека рисуется на фоне неба прекрасно, лучше не придумаешь. Но разглядеть что-то с другой позиции... черт его знает, здесь очень трудно наблюдать и очень легко устроить засаду — множество укрытий по всем направлениям, даже звук будет ломаться, и направления на его источник не угадаешь толком.

— Все живы? — спросил я «гантрак».

— Рона задело, — откликнулся Хэнк. — Видел, откуда били?

Они не видели, получается, а огонь ведут наугад, вроде как активность обозначают. Правильно, пусть враг боится.

— Увижу. Вы там лучше не высовывайтесь.

Мне никто не ответил, но опять прогрохотал очередью «полтинник», а его поддержал «семь-шесть-два».

Трассеров нет, жаль, нашел бы позицию и мог бы для «Ма Дьюсов» цели указывать. Ладно, об этом мы потом подумаем. Да и оружие у меня для такого боя ну никак не подходит, надо было «марк-одиннадцать» брать, блин. Взял же то, с чем поворотистей буду.

Побежал, в общем. Перескочил за второй ряд трейлеров, за ним, что было сил перебирая ногами, пронесся до задней стены соседнего офисного блока, укрывшись уже за ней. Лестница рядом, так что на нее. Сначала испугался, когда она зашаталась и ступеньки загудели под ногами, но потом убедился в том, что держит, и вскарабкался по ней на крышу, сразу свалившись на живот.

Повезло — крыша оказалась двухъярусной: слева, над самым офисом, была полого двускатной и располагалась выше, а справа был или гараж, или какая-то мастерская, и вот над ним крыша оказалась плоской и по уровню ниже соседней примерно на метр.

— Это хорошо, это очень хорошо, — пробормотал я себе под нос и пополз, загребая локтями и коленями, как раз к их стыку.

Теперь не надо будет поднимать голову, попытаюсь выглянуть аккуратненько сбоку. Не спасение, конечно, фоном за мной будет светлое полуденное небо, все равно силуэт как из бумаги вырезанным получится, но все не «ванькой-встанькой» сверху, тогда ты вообще как маяк: ничто так взгляд не притягивает, как выпуклость над ровным срезом крыши.

Стрельба шла вялая, причем больше с нашей стороны, долбили сразу три пулемета, а со стороны противника кто-то постреливал одиночными. Что мне не понравилось — очень похоже на то, что активность противника притворная, предназначенная исключительно для

того, чтобы связать боем, удержать на месте. Может так быть?

В принципе может, но... кто мог знать, что сюда поедут машины с аэродрома? Да никто, пожалуй, это ведь не планировалось, просто выехали — и все. И стрельба началась почти сразу, но не сразу все же, так что, скорее всего, наткнулись мы на каких-то мародеров. Только почему те начали стрелять? Да потому что бандиты, пожалуй. И потому что была возможность кого-то свалить. И Рона, худого парня с длинноватыми волосами, все же чуть не свалили, задели.

А что сейчас? Почему не уходят? Да потому, скорее всего, что пулеметчики их позицию пока не засекли, долбят наугад. В условиях местной картонной застройки пулеметы пятидесятого калибра вообще супероружие, ни за чем от такого не укроешься, так что если бы противника «гантрак» обнаружил, то перестрелка уже закончилась бы.

А обнаружить даже стреляющего противника далеко не всегда получается у опытных людей, а вот опытных я здесь не встречал покуда. В войнушку играют, в войнушку...

У стыка крыш замер, выглянул аккуратно, пытаюсь уловить, откуда идет звук. Да, примерно часов на десять от меня, где-то там. Стараясь высовываться как можно меньше, приложился к биноклю, навел его на коричневый фургон UPS, потом с него на соседний грузовик... где-то там противник, где-то там... примерно...

Очередь из «полтинника», ярко-оранжевый трассер ушел рикошетом в небо, но били не туда, куда я смотрел. Нет, не засекли они стрелка или стрелков...

А ведь вроде дымок был? Так бы не заметил, но на фоне почти черного борта почтового фургона видно... Точно, еще звук выстрела — и опять дымок. Но я отсюда не достану: ни я противника не вижу, ни он меня, машина нас друг от друга закрывает, да и чуток далековато для моего короткого автоматика.

— Хэнк, ориентир — фургон «Ю-Пи-Эс» на одиннадцать часов от вас, — вышел я на связь. — Стрелок между ним и соседним грузовиком с платформой. Как слышишь?

— Принял! — донеслось из рации.

Пауза в стрельбе, потом разом три пулемета ударили по фургону, он аж покачнулся, как мне показалось, хоть это и невозможно. Гладкий коричневый борт мгновенно покрылся рябью дыр, вышибло откуда-то искры, посыпались стекла из кабины грузовика. Всерьез ударили: патронов не жалеют, давят огнем.

Я зашарил биноклем по соседним машинам, заметил, кажется, чью-то спину в камуфляже, мелькнувшую на мгновение и исчезнувшую за рядом машин, а потом постепенно стрельба стихла. И где-то далеко-далеко затрещали моторы мотоциклов, явно «грязевых байков». А потом с Базы принесли сразу два «джи-вагена» с пулеметами, которых Хэнк вызвал в подкрепление. Они покатались по трассе, даже куда-то постреляли наугад, а затем все разом построились в колонну и двинули назад. И всю дорогу я мучился как от изжоги от осознания того, что если бы кто-то решил выбить охрану Базы, то с такой тактикой он бы это запросто сделал прямо сейчас, играючи. Вот попроси меня организовать засаду и засадить — никто бы из нас домой не ушел.

Дилетанты, играющие в войну. Если сюда идут банды, а они собираются действовать именно так, — тут живых не останется через месяц.

— Нет, это не взлетит, — сказал я вслух, когда заезжал в ворота следом за «гантраком». — Хочешь сделать что-то хорошо — сделай это сам.

— Все, душ работает, — сказал я, закрывая за собой кабинку. — Свет подключен, унитаза... тоже подключен, в общем, можно того... пользоваться.

— Тогда вещи свои разбери и в шкафу развесь, — сказала Настя, застилающая широкую двуспальную кровать в дальнем конце трейлера. — Не собирай кучу.

Заселились, уже обживаемся. Чувствуется по всему, в том числе и по поступающим указаниям. Когда вернулись, заехал с трейлером в терминал, поманеврировал, выравнивая его торцом к стене, на указанное место, отцепил, отогнав «шеви» на его законное место. Затем подъехала водовозка и заполнила бак трейлера водой, уже знакомый в лицо лысоватый дядька в клетчатой рубашке подтащил черный толстый кабель, который я присоединил к разьему, — и у нас появилось электричество, источаемое из белого контейнера «Дженерака», стоящего в отдельном загоне терминала.

Опять есть жилье. Временное, понятно, но насколько временное? Настя здесь два месяца и два месяца дома в Колд-Лэйк — так что из этого полагать временным? Лично я не знаю. Так что лучше считать этот новенький прицеп именно жильем, а не местом ночевки.

Но это уже происходило позже, а когда наша колонна вернулась с выезда, в терминале поднялась суета. Рон был ранен, причем сильнее, чем показалось сначала. Пуля, которая в него угодила, прошла через левую руку, перебив кость. Он потерял довольно много крови и сейчас лежал в медпункте Базы, ожидая отправки в Колд-Лэйк, в госпиталь. На лобовом бронестекле «гантрака» были белые отметины от пуль, которые пробить его не смогли, но испортить — испортили. Солдата Джейн потряхивало, была она заметно бледна даже несмотря на белокожесть, из чего я заключил, что в подобную заварушку попала впервые. Не такое уж серьезное было нападение с точки зрения человека сколь-нибудь опытного.

Затем Теренс собрал всех местных «военных», какими я окрестил тех, кто вроде как отвечал за безопасность Базы, ну и меня позвал заодно, потому как я и в перестрелке чуть-чуть поучаствовал, и работать буду как воздушный наблюдатель, по их задумке. Собрал просто в углу терминала, у висящей на стене большой карты города и окрестностей. Все расселись на легких пластиковых стульях, в воздухе буквально тучей висело возбуждение. Я слушал, как они галдели с пару минут, потом поднял руку и спросил:

— А кто вообще командует обороной Базы?

Вопрос, похоже, вызвал недоумение. Чего я и ожидал. Затем Хэнк повернулся ко мне и сказал:

— Здесь Теренс главный, ты не знал?

— Главный на Базе — или он командует ее обороной? — уточнил я.

— Ну... — сам Теренс немного растерялся, затем все же сказал: — Одно другого не исключает, верно?

— Теренс придумал эти базы, на которых собирают людей, — сказала сидевшая за спиной Солдат Джейн. — Он и командует.

— Тогда он очень дерьмово командует, — сказал я, ожидая возмущения, но вместо него на собрание бетонной плитой упала тишина, придавив всех разом. — Не знаю, как он руководит всей деятельностью здесь, — я обвел рукой пространство вокруг нас, — думаю, что хорошо, но то, что вы называете обороной Базы, — дерьма не стоит. Извините, — улыбнулся я натянуто и не очень искренне.

Теренс, к моему удивлению, выглядел спокойным, даже усмехнулся. Затем сказал:

— Можно получить детали?

— Разумеется. — Я поднялся со стула, вышел на середину импровизированного «брифрама»^[14] и встал рядом с ним. — Я сразу всем скажу, нет возражений? Первое: если бы я решил устроить засаду, то никто из вас на Базу не вернулся. Это первое, но не последнее и не самое главное. Кто-то из вас служил в армии?

— Я служил во флоте, — поднял руку смуглый парень с короткой бородкой, — на «Нимице»^[15].

— То есть о наземных операциях никакого представления не получил, так? — уточнил я, дожидая ситуацию до конца.

— Верно, мужик, — кивнул он. — Я только помогал птичкам стартовать. Хэнк служил в армии и даже был в Стане, — ткнул он пальцем в сторону моего знакомого.

— В Афганистане? — Я посмотрел на Хэнка. — В каких войсках и на какой должности?

— Наводил «восемьдесят один мил» куда скажут.

— Я все же иностранец, можно чуть уточнить?

— Сэр, я был наводчиком миномета Си-Три, сэр! — паясничая, вскочил и отрапортовал Хэнк. — Калибром в восемьдесят один миллиметр, сэр!

— Понял, — кивнул я. — Кто-то еще?

Молчание. Никого. Здесь сплошь канадцы и американцы, армии у них профессиональные, служило не так уж много народу. С понятием «тактика» знакомо еще меньше, похоже.

— Тогда у меня вопрос, самый первый и самый простой, — сказал я, глянув на Теренса, но обращаясь как бы ко всем: — Каков план защиты Базы от нападения? Если вы не сможете ответить на него, то следующих я могу уже и не задавать.

— Ну... — Теренс принял ответственность на себя. — У нас отличная экипировка со складов специальных сил, у нас есть бронированные машины...

— То есть в случае опасности все сядут в бронированные машины и поедут сражаться с врагом? — чуть развил я его мысль. — Это и есть план, так?

— У нас будет воздушная разведка, — он ткнул пальцем в мою сторону, — люди практикуются в стрельбе...

— Что-то еще? — улыбнулся я ободряюще.

— Хэнк? — Теренс немного растерянно обернулся к тому.

Хэнк хмыкнул, развел руками и сказал:

— Влад, будем считать, что ты макнул нас в дерьмо и мы просто утерлись. Что мы делали не так?

— Это будет длинный список, — сказал я ему. — Не знаю, уточняли ли вы обстановку перед выездом, но со мной никто не обсуждал ни порядка движения в колонне, ни действий при контакте с противником, то есть вообще ничего. Я даже не знал, как держать связь с Базой, хотя в пикапе у меня стоит рация. Вы рванули как ковбои вперед, я просто догонял — что делать, случись засада... Вот вы что бы делали?

— Влад, я знаю, что при засаде надо увеличивать скорость и проскакать ее, если получится, — усмехнулся Хэнк. — Это я все же помню.

— А я это знаю?

— Эм-м... знаешь, выходит, — растерялся он от такого вопроса.

— А ты знал, что я это знаю? — Я развел руками. — Убедился в этом? Вот мы налетаем на засаду, вы даёте по газам и проскакиваете зону поражения, а я, как обычно бывает с неопытными гражданскими, пугаюсь, паникую, останавливаюсь, пытаюсь укрыться и гибну. Так?

— Выходит, что так, — ответил за него явно заинтересовавшийся Теренс. — Что-то ещё?

— Обстрел был сильный? — спросил я.

— Нет, пара винтовок, не слишком точно, — опять заговорил Хэнк. — Что об этом?

— Вы вызвали подкрепление, так? — спросил я.

— Да, у нас была назначена группа немедленного реагирования, — чуть загордился он.

— И по какому плану она приехала? Куда? Повторив маршрут и на то же самое место, где находились мы? Встав с вами, так сказать, бок о бок? Хэнк, как ты думаешь, мог противник начать обстрел вашего «гантрака» для того, чтобы вы вызвали подкрепление? А подкрепление заманить в минную засаду? Отрезать нас от Базы и тоже уничтожить? Трудно это было организовать?

— Ну... нет, — он покраснел и заметно растерялся. — Но это надо знать, что мы выедем.

— А часто с Базы выезжает техника по стандартным маршрутам?

— Довольно часто, — опять вступил в разговор Теренс. — Я понимаю, о чем ты. Да, если установить наблюдение, то можно определить график и маршруты. Можно устроить нападение, дожидаться подхода подкреплений и всех уничтожить, если есть чем. Это наша ошибка, мы об этом не подумали.

— Я буду откровенным, хорошо? — спросил я, обведя глазами молчащих людей. — Вы пока ни хрена ни о чем не думали. И вели себя как готовые покойники. Нам сегодня повезло, мы просто наткнулись на пару разведчиков, и уже те повели себя как последние придурки. Вместо наблюдения зачем-то нас обстреляли, хотя надо было вести себя тихо.

— Я думаю, что это были просто мародеры, — сказал с места Джастин, тот толстоватый парень, что ездил с нами за пулеметчика. — Зачем обязательно разведка?

— За тем, что они уехали на мотоциклах, моторы было слышно за горизонт, — повернулся я к нему. — Если едут мародерствовать, то берут грузовик, дружище. В грузовик можно нагрузить много всякого дерьма, очень много. А если едут на «дёрт-байке»^[16], то едут разведывать. Как-то так. На байке много не увезешь.

Вообще-то они могли ехать на байках и машине, которой мы не слышали за треском мотоциклетных моторов, но говорить об этом вслух не обязательно — не надо тут никому расслабляться.

— Хорошо, — сказал Теренс, усаживаясь на стол боком и свесив длинную худую ногу в неуклюжем тяжелом ботинке. — Что надо делать?

— Делать надо очень многое, а для начала вспомнить термин... — Тут я обнаружил, что понятия не имею, как по-английски назвать головной дозор, «головняк» по-нашему.

Помог Хэнк, от которого я узнал, что называется он *advance guard*. Передовое охранение, или застава, если обратно дословно перевести. Заодно сообразил, что меня тоже многому придется учить. Терминам, например. Потому что адекватно перевести даже «зону отчуждения» я не смог, и в конце концов остановились на *No-Man-Land*. Также как-то справились.

— Мины у вас есть?

— У Канады нет противопехотных мин, — поморщился Теренс, — а мы снабжались из

Канады. От них отказались как от негуманного оружия. По Оттавской конвенции, которую в Канаде и приняли. Все остальное было гуманным.

— А добыть их хотя бы в Вайоминге можем? Много не надо, минные поля не нужны, к тому же сюда люди идут, — успокоил я явно засомневавшегося в моих умственных способностях Теренса. — Нам для другого. Сколько-то, пару дюжин, хотя, конечно, лучше бы побольше. Тогда и минные поля можно.

— Для чего?

— Спуск на северо-западном краю аэродрома, в сторону города. Там запросто можно устроить наблюдательные пункты и позиции для снайперов. С такой дистанции я сниму здесь кого угодно. И это сейчас главная опасность.

— И что?

— Надо минировать места, удобные для наблюдения и ведения огня по Базе, — заявил я.

— А если туда кто-то случайный заберется? — спросила короткостриженная смуглая женщина в камуфляже, подняв руку.

— В такие места редко забираются случайно. Если кто-то видит охраняемый объект, то подбираться к нему скрытно — признак враждебных намерений. Надо немного думать перед тем, как делать что-то подобное. И даже можно ставить таблички, предупреждающие, что место заминировано.

— Жестко, — прокомментировал кто-то, но я на это ничего не ответил.

— Я попробую найти сколько-то мин, — кивнул Теренс. — А ты... займись этим, пожалуйста.

В общем, старая истина про то, что инициатива любит инициатора, оправдалась и на этот раз. Правда, с одной поправкой — я именно этого и добивался. Причин к тому было две: статус в сообществе и банальное желание уцелеть, не попав в качестве центрального участника в бандитский «цирк» вроде того, какой устроили «Блэйдз»^[17] возле пустынного мотеля в Вайоминге и в какой угодили мои преследователи. А с такой организацией обороны, какая тут была сейчас, шансы уцелеть резко падали. Потому что основным источником знаний о том, как надо воевать, было для местных обитателей кино. То есть худший источник из возможных.

А мне в Вайоминге сказали, что главарь банды «Блэйдз», например, какой-то бывший «спешизл форсиз»^[18], то есть человек, который знает, как воевать, как нападать и как устраивать засады. Вспомнился мне и услышанный по радио голос командира тех людей, которые гоняли меня по Рапид-Сити и окрестностям в Южной Дакоте. Человек тоже знал свое дело — если бы не случайность и не мое «послезнание», мне бы не уйти было. Не думаю, что это были «Блэйдз», те действуют на границе Вайоминга, но неизвестно, кто стоит во главе этой банды. И что он умеет.

Теренс же... Теренс организовал пункты, помогающие спасать и собирать провалившихся в этот мир чужих. Он придумал, как это делать, он договорился с людьми из Вайоминга о помощи, в общем, он организовал работу самой базы. Баз, потому что таких уже несколько, не только эта. Но он понятия не имеет, как обезопасить их от нападения. И не имеет понятия о том, что он не имеет понятия... понятно, в общем.

Он, Теренс, не заблуждался в одном: База действительно была достаточно оснащена и вооружена по нынешним обстоятельствам. И не так уж все было на самом деле плохо в обороне, потому что каждый день, с утра и до самого вечера, небольшая бригада экскаватором наполняла большие строительные мешки со стропами, грузовиком везла их к

терминалу и выкладывала самыми настоящими крепостными стенами, способными остановить не только пулю, но и снаряд куда серьезней. Другое дело, что ограждения не везде располагались оптимально, так что даже в это следовало бы внести изменения, но это позже.

По окончании разговора я задал вопрос, беспокоивший меня больше всего:

— Из присутствующих здесь уже кто-то стрелял в людей? Не так, как сегодня, в сторону противника, а всерьез, убивая? Был в бою? Под обстрелом?

Ответом было молчание. Затем Хэнк сказал:

— Здесь нет военных профессионалов, кроме меня. А я минометчик. Так что рассчитывать лучше на таких, какие мы есть.

Все верно, за неимением гербовой... Ладно, люди как люди, разберемся. Все учатся рано или поздно. И я отправился в оружейку, где прихватил себе еще один ствол. Когда я притащил его в трейлер, Настя посмотрела на меня скептически и спросила:

— А еще и этот точно тебе нужен?

— Ну как сказать... — Я раскладывал на столе принадлежности для чистки, намереваясь собрать с нового оружия складскую смазку, чтобы завтра отправиться с ним на стрельбище и «вывести нули». — Вот обычно человек держит у себя в шкафу костюмы с галстуками, джинсы со свитерами, шорты с майками, туфли и кеды, ну и всякое такое прочее. Это зачем?

— Под разные случаи, — ответила Настя исключительно для того, чтобы дать мне возможность продолжить речь.

Она такие моменты уже чувствовала, когда я собирался влезть на трибуну. Вот я и полез.

— Вот именно, — поднял я указательный палец. — При этом в обычной жизни человеку ничто не угрожает, кроме непонимающих взглядов, если он придет на работу в банк в шортах или на пляж в костюме, верно? А оружие предназначено в большей степени для таких ситуаций, в которых тебя стремятся убить. И ситуации могут быть разными, так что универсального оружия не бывает, как пиджака с галстуком под шорты с тапками.

— И что у тебя для чего?

— Ну смотри, — я показал на снайперскую «марк-одиннадцать», стоящую у стены, — эта для дистанций около шестисот метров или больше. Она очень точная, с помощью похожей винтовки я отбил от погони в Вайоминге, убив или тяжело ранив нескольких преследователей. И они не могли полноценно вести бой со мной, потому что дистанция была такой, что снижала эффективность их оружия. Я в них попадал, причем очень быстро, из-за того, что винтовка самозарядная и у нее большой магазин, а они забрасывали пулями пространство вокруг меня и попасть могли разве что случайно. Пока они пристрелялись — все уже умерли или были тяжело ранены.

Подробности о том, что у меня была хорошая позиция, на которой мы с Джо устроили засаду на преследователей, и о том, что у противника позиция была чрезвычайно плохой — посреди открытого поля, — я опустил, это не так важно сейчас.

— Так мы и ушли. Вот это, — я взял в руки компактный Р90, — для полетов. Это оружие, которое можно нести на груди даже тогда, когда ты ведешь самолет. У тебя такой же, кстати, и тебе его выдали именно поэтому. С ним можно, случись где-то сесть, вполне эффективно вести бой с небольшой дистанции, с ним можно *отбиться и убежать*, — я выделил последние слова голосом. — Но взять его воевать... ну только если тебе надо входить в помещение. Он еще и компактный, поворотистый, с малой отдачей. Можно

поставить глушитель, который есть в комплекте, и он будет достаточно компактным даже вместе с ним. Поэтому с этим оружием я и буду летать, скорее всего, потому что он будет на мне, а что-то длиннее держать на себе не получится. И в случае, например, аварийной посадки можно оказаться с одним пистолетом.

— А это? — Настя показала на автомат, который я взял из оружейки после разговора с Теренсом и остальными.

Автомат назывался C8IUR и был обычной версией AR15 с шестнадцатидюймовым стволом. Практически один в один американская военная M4, разве что верхний ресивер, целиком выточенный из одного куска легкого сплава, намекал на то, что оружие должно быть точным. Но Хэнк, искренне или потому что «канук», утверждал, что канадская версия лучше всех американских аналогов, что эта модификация совсем новая и ее вообще привезли прямо с завода «Кольт Канада», неподалеку от которого, в Ниагара-Фоллз, на аэродроме располагалась еще одна база вроде нашей. Я предпочел так уж глубоко ему не верить, но все же качество было заметно прямо в руках. На совесть все сделано.

И что понравилось особенно — в комплекте с этим автоматом шел компактный прицел с эдаким рычажком, который перекидывал увеличение с нуля до четырех одним движением большого пальца стрелка. Причем на «нуле» прицел превращался в самый натуральный «ред дот».

— Прицел тоже канадский, «Elcan». — Хэнк продолжал гордиться успехами своей страны. — Американские спецсилы им пользуются, это два в одном и совсем не компромисс.

Ну да, раз — и вместо перекрестья светится ярко-красная точка, два — изображение приблизилось, проявилось перекрестье. И похоже, что за «ред дот» он вполне пойдет, вполне.

В общем, прицел скорее поразил — пока ничего подобного я в своей жизни не встречал. Ну да, двенадцать лет разницы. Впрочем, у меня есть и свой «ред дот», компактный Aimpoint, который я затрофеил еще в Гарден-Сити в Канзасе, так что тоже можно поставить. И к короткому автомату выдали голографический EoTech, так что прицелов у меня теперь с избытком.

— Этот автомат, — продолжал я для Насти, — он для всего. Основное оружие. И он достаточно короткий для того, чтобы входить с ним, например, в помещения, с моей другой винтовкой так не очень получится. Он создаст достаточную плотность огня, я могу поставить на него подствольный гранатомет, — я показал на лежащее рядом оружие, напоминающее ракетницу-переросток, — и тоже могу поставить глушитель. То есть, выезжая с Базы, например, я бы нес его на себе, а снайперку, — я опять показал на «марк-одиннадцать», — держал бы в качестве запасного оружия, в чехле. Как-то так.

К автомату прилагался глушитель, причем прочный. Наскоро перелистанное руководство подтверждало, что стрелять с ним можно и обычными, мощными сверхзвуковыми патронами, и звук все равно ослабнет. На те же тридцать децибел, как и у «марк-одиннадцать». Вспомнился наш советский ПБС, который при выстреле обычным патроном со ствола срывало и уносило далеко-далеко. Впрочем, ПБС старенький, ему сто лет в обед, а это все новое.

Она только хмыкнула и покачала головой. Носпорить не стала — она сюда все же из Отстойника со мной провалилась, а там жизнь учит ценить безопасность и возможность ее защитить. Ей тоже не раз пришлось защищаться, и стрелять приходилось и по тварям, и по

людям. Я думаю, что она разговор завела исключительно с целью подколоть, а не всерьез.

— Теренс сказал, что ты теперь возглавишь оборону Базы?

— Предполагается, что да. — Я взял в руки автомат, выдавил штифт и сложил верхний ресивер. — Пока я, если быть честным, других кандидатур на эту работу не увидел. Я не всех знаю, конечно, но... — Я изобразил некое сомнение на лице, а заодно снял рукоятку взведения и выронил на ладонь болт-карьер. — Пока у них вообще никакого плана не было, кроме как хватать оружие и стрелять во врагов.

— Пока на Базу никто, кроме тварей, не нападал, а от них и стены неплохо защищают. Расслабились. Кофе будешь?

— Буду, конечно.

Зажужжала кофемолка, в трейлере запахло кофе.

— В общем, я рада этому, — сказала она, когда жужжание затихло. — Здесь все же немного другие люди и другие взгляды на жизнь. Здесь лучше чем-то выделиться. Если ты возглавил оборону, то уже вроде как сделал карьеру, понимаешь? Поднялся на ступеньку.

— Ну это везде так работает, просто не все в этом сознаются, — усмехнулся я.

Крышка на кофемолке откинулась, и запах еще усилился. Впрочем, я его немного перебил, спрыснув щетку вроде зубной составом для чистки. Взяв с салфетки затвор, я начал удалять с него консервационную смазку.

— Здесь это ярче выражено. Люди больше внимания обращают на то, who's in charge^[19], хоть часто не подают виду. Вроде все приятели, но все равно все по полочкам.

— А ты осваиваешь язык, — засмеялся я.

— А куда деваться? — Настя засмеялась коротко. — На русском здесь только с тобой разговоры, больше никого нет.

— Там тоже? — спросил я, подразумевая городки в Альберте, в которые заселялись чужие.

— В Колд-Лэйке нет — точно, за два других городка и фермы не скажу, доподлинно не знаю. Но никого не встречала.

— Ладно, считай языковой практикой.

— Сколько лет практики?

— А как здесь течет время? — ответил я вопросом на вопрос. — Пока никто не заметил, насколько я понимаю. Если как там, — я мотнул головой, подразумевая место, откуда мы провалились, — то лет... пятьсот? Больше?

— Думаешь, что здесь тоже так? — Она замерла с ложкой в руке, которой насыпала молотый кофе в железный фильтр. — Странно... вроде уже давно можно было понять и привыкнуть, но я даже саму мысль не способна усвоить о том, что время может почти не двигаться. Дни идут, ночь за днем, день за ночью, — а время стоит. Как так?

— Потому что смена дня и ночи — это всего лишь движение светил, — вспомнил я как-то выданное мне объяснение. — А время — это время, оно существует само по себе. Смена дня и ночи за двадцать четыре часа — просто совпадение, а время может растягиваться, сжиматься, стоять и даже двигаться задом наперед. Ты ведь помнишь, что было у границ Тьмы?

— Помню, все я помню. Просто не получается уложить это все в мозг.

— А и не надо укладывать, — пожал я плечами. — Просто оно есть так, как есть, совсем не обязательно пытаться все осмыслить. Я вот в детстве никак не мог вообразить понятия «бесконечность». Вселенная бесконечна... Я пытался представить, как ты летишь,

летишь, летишь — и этот полет не закончится никогда. Так получалось. А потом пытался представить «вообще», как карту, схему, картинку, — и ничего из этого не выходило. Потому что в нашей жизни все конечно, а бесконечность из другого понятийного аппарата.

— Я слышала или где-то читала, что фараоны строили пирамиды потому, что населенная часть Египта была плоской как стол. Пирамиды, поднимающиеся над этой плоскостью, поражали воображение простых людей, подавляли. И когда первые египтяне, отправившиеся в путешествие, увидели горы, знания их сделали запретными, потому что ничто не могло быть выше пирамид.

— Ну вот и мы примерно в таком же положении, — хохотнул я. — Но вообще не знаю, как тут. Я бы пока делать выводы не стал, все же здесь все по-другому. В Отстойнике не было местных, только чужие, попаданцы, так сказать, а здесь и те, и другие. И Тьма проявляется по-другому...

— Кстати, все хотела тебя спросить, — вдруг вспомнила она. — Как ты думаешь: где Тьма настоящая — здесь или там? Ну в смысле... — Она замолчала, явно подбирая слова. — ...Вот где-то мы ее видим такой, какая она на самом деле, а где-то она словно воплощается во что-то. Или она везде разная? Я ведь просто чувствую, что то, что мы видели там, и что встретили здесь, — одно и то же. И все же оно разное.

Мысль она выразила сумбурно и путано, но я ее понял. И ответил сразу, потому что думал об этом сам, и не раз:

— Там. Там мир... изнанка мира уже оторвалась от основы, и там Тьма такая, какая она есть, она там Левиафан, она стена до неба и воплощенный ужас. И там ей не надо что-то из себя изображать. Этот мир еще цел. Он... разваливается, расслаивается, но все же не разделился. И Тьма сюда прокрадывается, проползает через прорехи, но она пока вынуждена принимать формы, вроде как маскироваться. Не поручусь, разумеется, но мне так думается.

— Может, и так. — Настя пожала плечами. — И что ждет нас впереди?

— Не знаю. Не имею никакого представления.

И это было правдой.

Наутро я узнал, какой механик будет заниматься моим самолетом. Им оказался тот самый парень, что примкнул к нам для поездки в Коди. Звали его Дуг, был он невысоким, тощим, шустрым, с узким хитроватым лицом и чем-то напоминал Федьку — моего друга-товарища по Отстойнику. Трудно сказать чем, но что-то общее между ними явно было. Еще в Коди он доказал, что при наличии инструкций и руководств способен разобраться с любым механизмом, так что именно Настя назначила его обслуживать «лайку» как самый простой из имеющихся самолетов, вроде как для практики. Я прокомментировал это восточной поговоркой: «Ученик цирюльника учится на голове сироты», — но Насти уже здесь не было, она улетела еще вчера с раненым на борту, так что мой мелкий выпад ушел в пустоту.

Пока самолет готовили к вылету, я сделал две вещи — проверил сектора обзора с постов на крыше, чтобы убедиться в том, что вчера оценил их правильно, затем понаблюдал за ближними к терминалу домами, потом за краем пологого склона, ведущего к городу, где проще всего было устроиться стрелкам, но никакой активности в них не заметил, а затем приказал сидевшему за «полтинником» бородатому пузану по фамилии Ла-Руш, которого по имени никто не звал, пристрелять каждую точку на этих домах, а на мешки нанести метки, для того чтобы можно было вести огонь без предварительной пристрелки.

— Особое внимание пространствам под подоконниками и между окон, — добавил я. — И корректировщик тебе нужен. И наблюдать постоянно, потому что, будь я снайпером, я бы тебя снял запросто.

Склон этот беспокоил. Мало того что это самое близкое к Базе укрытие для возможного противника, так туда еще и скрытный подход наблюдателю или снайперу в любое время суток обеспечен. Скрываясь за склоном, можно было выбрать позицию для наблюдения, например. А наблюдение даст систему охраны, график движения, график смены патрулей. Хорошо, что у нас хотя бы рации военные, с кодированием переговоров.

Потом по этой самой рации с кодированием вызвал Хэнка и сообщил, что он полетит со мной наблюдателем. Я уже дважды обнаруживал с воздуха бандитские базы, так что очень возможно, что обнаружу и в третий, если бандиты здесь и им что-то нужно. Монтана штат пустынный, в смысле что людей здесь очень мало жило раньше, так что вокруг Грейт-Фоллза нет практически никакого жилья. Я еще половину ночи над картой просидел, пытаюсь понять, где бы я, на месте бандитов, основал временную базу, и в общем пришел к выводу, что выбор не так уж и богат. Так что вероятность их обнаружить есть, и она высока.

— Не думаю, что их много, — объяснял я Хэнку после того, как «лайка» оторвалась от земли и начала набирать высоту. — Было бы их много — мы бы такое присутствие уже ощутили. Думаю, что в город приехала разведка, несколько человек, пара-тройка машин, у них есть связь с основными силами. Поэтому устраиваться они должны там, где хорошо просматриваются подступы, то есть не в самом городе. И желательно там, где можно укрыть машины, потому что у нас все же аэродром, и если они не совсем тупые, то поймут, что здесь могут летать и искать их с воздуха.

— И как же мы их будем искать?

— По сопутствующим... — я затруднился подобрать перевод к слову «разведпризнак» и упростил термин, — по следам. Следы остаются часто. В общем, ты наблюдай.

— Понял, — кивнул Хэнк, поерзал в кресле у меня за спиной и сказал: — Как на стуле

лечу, что-то совсем маленький самолет.

— А больше и не надо.

Облетать окраины и на этих самых окраинах искать всякие промзоны с ангарами, в которые можно закатить машины. Причем окраины такие, к каким сам город подходит не вплотную. База ВВС Малмстром, которую я полагаю наиболее перспективным местом для поиска: и разведке легко спрятаться, и если подтянутся основные силы банды, там и укрепиться не проблема.

А подтянутся? Им точно от нас чего-то надо? Теренс вчера сказал, что почти точно. Сказал даже, что уверен — банды появятся.

— Они все же психи, ненормальные, у них совсем измененная психика, — объяснял он. — Убийства ради убийств, другой смысл не нужен, это уже стало самым смыслом жизни. Плюс сниженный инстинкт самосохранения, это тоже все заметили — подчас они совершают совсем безумные вещи. А здесь еще и добыча, здесь есть женщины, еда, запасы всего — наверняка сунутся.

— Шансы?

— Четыре из пяти, я думаю. Если они здесь, то наверняка нападут. — Он погладил свою кудрявую бородку длинными темными тощими пальцами. — Не знаю как именно — попытаются захватить Базу или просто поймать кого-то в засаду и захватить, — но что-то предпримут. Если нет, то я готов публично съесть свой носок.

Мне почему-то подумалось, что Теренсу носок есть точно не придется. Просто потому, что судьба с бандитами «нового типа» меня уже несколько раз сводила, и к выводам я пришел примерно таким же. Если они здесь, то жди проблем. Или беды.

Самолет облетал город по часовой стрелке, мотор гудел ровно и мягко, видимость была отличной до самого горизонта — утро ясное, на небе ни единого облачка. Что нам за землей наблюдать, что с земли за нами — просто идеальные условия. Другое дело, что никакой заметной активности на земле мы так и не обнаружили. Зато в одном месте, где какая-то башня, похожая на силосную, соседствовала с тремя большими ангарами, обнаружили свежий след колес. Одианный, местами, на поворотах, слегка раздваивающийся — то есть след мотоцикла, не перепутаешь. Похоже было, что мотоцикл то ли уезжал от ангара, то ли ехал к ним, и водитель решил немного срезать путь, съехав с грязного асфальта на землю. Почему? У меня есть теория на этот счет: на «дёрт-байке» ездить надо уметь. Кто умеет — любит выезжать на нем на тот самый «дёрт», то есть на грязь, грунт. И мотоциклист, на слишком задумываясь, решил получить удовольствие от преодоления препятствия — неглубокого кювета. Влетел в него и выскочил на газу — развлекся, в общем.

Сколько этим следам? Даже с высоты в шестьсот футов видно, что они довольно четкие, с выраженными краями, именно поэтому я сумел их заметить — природа недолго держит такие четкие линии. Пусть даже вокруг строения и всякое рукотворное, но где-то на уровне подсознания у наблюдательного человека всегда работают фильтры: четкий контур крыши сарая — норма, пропускаем, но между этими сараями в опустевшем месте ничего четкого быть не должно. И тогда в мозгу включается красная лампочка «внимание».

— Там даже отпечаток крыши виден! — азартно крикнул сзади Хэнк, смотревший в бинокль.

— Понял. Сделай пометку.

Самолет летел дальше, промзона постепенно осталась сзади.

— Давай еще круг, посмотрим внимательно, — предложил «летнаб».

— Не-а, не будем мы этого делать. — Я отрицательно покачал головой. — Не надо им знать, что мы кого-то ищем и кого-то заметили. Если они в этих ангарах, то пусть так и сидят там, а то сменят базу, и придется искать их заново.

— Тогда что, вернемся обратно и поедем на машинах? — Хэнку явно хотелось действовать, а не сидеть сзади в самолетике.

— Закончим облет: мало ли что увидим? Кстати, ты же минометчик, верно? А миномет у тебя здесь есть?

— Миномета нет, — сознался он. — Не знаю даже, есть ли они где-то вообще или все уничтожить успели. В Канаде мало что уцелело на военных складах, кроме обычных машин и легкого оружия с патронами. Этого много, а вот что-то серьезней — уже нет. Мин точно не будет, там все склады взорваны.

Ну да, не новость, об этом я слышал не раз, и не только про Канаду. Эпидемия заставила людей сжиматься в границах тех анклавов, которые они были способны контролировать. Вывезти все оружие в новые места не было ни сил, ни средств, ни возможностей, поэтому все тяжелое вооружение, которое могло попасть в руки тех, кому оно не полагалось, уничтожалось на месте, взрывами, до полной непригодности к ремонту. А вот что полегче — часто оставалось нетронутым. Очень легко взорвать склад снарядов или авиабомб, и куда труднее проделать то же самое со складом патронов. Они не детонируют друг от друга, их уничтожать долго и трудоемко. Так же и с автоматами, винтовками и прочим. И на них просто махнули рукой: все равно это не угроза силам федералов.

Организованные же людские анклавы вроде Вайоминга вооружались за счет складов национальных гвардий. Губернаторы штатов зачастую отказывались «федерализироваться» во время введенного военного положения, предпочитая защищать свою территорию самостоятельно, а сил у Вашингтона, или где там в то время находилось правительство, на принуждение уже не хватало. Да и не до этого было. Затем подобные анклавы подгребали под себя военное имущество в соседних штатах, и уже совсем остатки доставались бандитам. Недаром банды были вооружены так разношерстно, все больше коммерческим, а не военным оружием.

В Канаде было примерно так же, разве что правительство пыталось уничтожить все военные запасы, эвакуируясь на американскую территорию. Канада превращалась в землю без людей, условно говоря. Люди остались, разумеется, и не так чтобы совсем уж мало, но большинство перебралось на юг, к теплу, безопасности, под защиту федеральной власти. Сил на эвакуацию всего опять же не хватило, так что удалось лишь уничтожить тяжелое вооружение. Банд в тех краях было меньше, и организовавшимся чужим удалось захватить довольно много всякого стреляющего и едущего железа, часто даже бронированного вроде тех «джи-вагенов», что стояли на Базе. Может, даже легкую технику не уничтожали умышленно.

— Жаль, что миномета нет, — сказал я.

— Есть два «марк-девятнадцатых»^[20], — сказал Хэнк. — Стоят на «гантраках», видел? У нас один «гантрак» с «полтинником» за основное оружие и два с гранатометами.

— Видел. Но это все же немного не то. Дальности не те и мощности.

— Не буду спорить.

Вызвал Базу на связь, сказал, что иду на большой круг. Программу вылета надо закончить, никакой особой спешки пока нет, у бандитов если кто здесь и есть, то только разведка. Как я думаю.

Летали еще часа два, нарезая все расширяющиеся круги, но больше ничего подозрительного не увидели. Вернувшись на аэродром, подрулили к ангару, обнаружили, что «оттер» готовится к вылету. Ну и Настя стояла возле машины, разговаривала о чем-то с Теренсом. Ветер, дувший с поля, развевал собранные в хвост волосы, норовя закрыть ими лицо, и она время от времени откидывала их рукой. Этот жест вызвал во мне какую-то долгую и сложную цепочку ассоциаций, которая в очередной раз вывела меня на мысль о том, что я ее очень, очень люблю. Поэтому, подойдя, я притянул ее к себе и поцеловал в висок.

— Что это вдруг? — засмеялась она.

— Да так, вообще, — пожал я плечами. — Люблю — и знак внимания как бы.

Теренс усмехнулся и отвернулся в сторону.

— А куда это ты засобиралась?

— На сегодня перенесли вылет, из-за Рона.

Вообще она завтра должна была лететь в Колд-Лэйк, и даже звала меня с собой, так что сегодняшней вылет был сюрпризом.

— Ему хуже?

— Нет, но там еще кое-что наложилось, — пояснил Теренс. — Что-то обнаружили?

— Что-то обнаружили, — кивнул я. — Расскажу.

По радио я на Базу ничего не сообщал — не хотел демонстрировать никакой явной активности, на случай если там действительно враг и этот враг слушает эфир. Даже минимальных совпадений не нужно вроде «самолет сверху пролетел, и сразу по радио активность прорезалась». Пролетел и пролетел, никто ничего такого не заметил.

Возле здания терминала кран выкладывал в ряды очередные мешки с землей, было суетно и шумно — рабочий день в разгаре. Разговор с Теренсом затянулся на пару минут, потому что новостей было немного, а на вопрос о том, что я собираюсь предпринять, я ответил:

— Подумаю.

— Ну... думай, — кивнул он.

— Надо дать распоряжение строителям... ну, тем, у кого есть экскаватор и бульдозер, — остановил я его. — Это не совсем в моей компетенции.

— Что надо сделать? — задержался он.

— Надо вырыть укрытия для заправщиков. Стоят они правильно, с северной стороны терминала, но все равно их можно достать.

— Надо закопать? — уточнил он.

— Именно.

— А как?

— Я покажу и могу начертить.

Сквозной окоп для специальной колесной техники — такое пришло на ум определение. Что-то еще помню. Как правильно перевести — не знаю, я даже слово «окоп» не могу перевести. Надо поинтересоваться у кого-нибудь. Вот так думал всегда, что английским чуть ли не свободно владею, но это разговорным, а как до терминов доходит — сразу торможу.

А вообще на Базе много заправщиков, и с авиационным топливом и с дизельным, для машин и генераторов. Стоят они пока вытянувшись в рядок с дальней от города стороны терминала, в общем, от обстрела с удобной для этого стороны укрытые, но это от случайного, а не спланированного обстрела. Если кто-то решит лишить нас запасов топлива, способ их

поразить легко найдется. А укрытий лучше окопа люди пока не придумали, если брать те, что можно устроить собственноручно.

— И заодно перенесем за пределы бетонной стоянки, — добавил я, — а то тонны топлива у нас рядом с терминалом. Если потечет, то все окажется внутри, стены не герметичны, а если еще и загорится... продолжать надо?

— Пожалуй нет, — покачал головой Теренс. — Заворачиваем Эм-Пи-И-Ви с наполнения мешков на... что скажешь. Я распоряжусь.

Управлял машиной под названием МРЕV мордатый и пузатый мужик с усами, с руками, покрытыми татуировкой до самых пальцев. Отзывался он на кличку Стоки и машиной, напоминавшей смесь экскаватора и фронтального погрузчика с бронированной кабиной, крашенной в песочный цвет, управлял виртуозно. Что мне нужно, он понял сразу, даже сам напомнил про колодцы для сбора воды на дне окопов, а потом сам с рулеткой побежал мерить заправщики. А тот самый мужик в клетчатой рубашке, что обычно работал с ним и которого, как выяснилось, звали Сэл, взялся добыть деревянные поддоны, чтобы покрыть ими дно окопа. Заправщики тяжелые, в грунте вязнуть будут — пусть на доски встанут.

Загудели моторы, «оттер» пошел на взлет, спокойно разогнавшись по полосе и оторвавшись примерно в ее середине. Настя поднимала самолет в самом щадящем режиме. А мне подумалось, что терминал терминалом, а самолет на взлете тоже очень уязвим. Никто не мешает забраться с тем же пулеметом в одно из зданий, что вытянулись вдоль ВПП^[21], и оттуда обстрелять взлетающую или идущую на посадку машину.

Мне представилось, что пулемет обстреливает «оттер», который ведет Настя, и мороз до позвоночника продрал, аж волосы дыбом встали.

— Хэнк, — сказал я, — нам нужно разобраться вон с теми зданиями. — Я показал в сторону взорванных военных самолетов и кучи строений за ними. — Или нам могут устроить очень неприятный сюрприз, который просто сам напрашивается. Кстати, ночные прицелы на складе есть?

— Есть. Даже у тебя есть, я сам выдал.

Ну да, точно, у меня же ночной монокуляр, который ставится на автомат как прицел, если нужно. Но я про другое немного.

— Для больших винтовок, я имею в виду. Винтовки я видел вроде бы, так?

— Ну да, есть... если надо.

— Надо, — уверенно кивнул я. — Найди. И наблюдателя с НОДом^[22] на крышу пока, на сегодняшнюю ночь. Второго — на тот сектор, понял? — я показал рукой, но Хэнк идею уже уловил.

— Сэр, есть, сэр!

Паясничает. Да и черт с ним, лишь бы все сделал и ничего не перепутал. Черт, а подойти туда можно скрытно, никакое наблюдение с терминала не засечет, в том числе и с НОДом. И даже выйдет легко смыться, потому что туда получится не только подойти, но и подъехать. А раз подъехал, то и уедешь. Так что придется туда сегодня идти, поэтому и прицел нужен. А прицел бы еще и пристрелять неплохо.

Так, а вообще надо бы сейчас туда проехать, поискать, например, машины с главным разведпризнаком — чистым лобовым стеклом. Чистых машин в этом мире больше не осталось, все они замерли на своих местах много месяцев назад. За это время ветер наносил пыль, шли дожди, где-то даже снег падал, так что стекла у всех уже покрыты довольно заметным слоем грязи. Старой грязи. Ездить так никто не сможет, поэтому те машины,

которые ездят, сейчас отличать легко. По стеклам.

То, что я когда-то до этого додумался, спасло жизнь мне и Джо во время все той же приснопамятной поездки за сеном. Стояли машины поодаль от дороги, куда нас должны были в ловушку заманить, а я увидел, что лобовые стекла чистые. И мы проехали мимо. Потом была погоня и стрельба, но у сидевших в засаде все пошло не по плану, так мы и выжили. Убежали, отстрелялись, вырвались.

Поэтому именно на стекла машин я смотрю теперь в первую очередь. И именно на них и хочу посмотреть.

— Джастин! — позвал я бездельничающего, на мой взгляд, пулеметчика. — Ты из своей шарманки точно стрелять умеешь? Я про пулемет.

— Умею, — решительно ответил он. — Могу на стрельбище показать.

— Потом покажешь. А в башне ты как?

— Тоже неплохо.

Почему-то поверил, хоть, может, и зря. Вообще личный состав не знаю, а это плохо, очень плохо. Даже по именам не знаю, не то что по умениям, Джастина позвал лишь потому, что его хотя бы видел с пулеметом и на пулемете.

— Так... эти «джи-вагены» с броней? — Я показал на ряд зеленых машин с пулеметами на крыше.

— Ну... да вроде как, — он скроил такую физиономию, что я сразу понял — он от этой техники не в восторге.

— А которые без пулеметов?

— Тоже с броней.

Я задумался. Самому скататься? Нет, глаз нужно больше. И если я вообще взялся тут хотя бы взводом командовать, то надо знакомиться с людьми. Хотя бы таким способом.

— Ты канадец?

— Нет, я из Мэна, правда, с самой границы с Канадой, — засмеялся он. — Почти канук. Надо куда-то ехать?

— Надо, рядом здесь... Кто машину хорошо водит?

— Я неплохо...

— Ты за стрелка.

— О'кей, сейчас позову. — Джастин взялся за рацию, а я сказал:

— Готовность десять минут, встречаемся у машин, — и пошел в трейлер. За оружием.

За водителя сел некто Марио, франкоговорящий итальянец из Монреаля, невысокий, но сложением похожий на штангиста, с круглым лицом из тех, что брей или не брей, а черная щетина все равно первое, что в глаза бросается. Английский у него был с сильным акцентом.

— Марио раньше гонял грузовик, — отрекомендовал его Джастин.

— Жил на колесах, можно сказать, — заулыбался тот и протянул широкую как лопата ладонь. — Привет, босс, я Марио. Умею крутить баранку.

— Влад. Давай проедемся немного.

— Далеко?

— По аэродрому. Просто нам нужны в машине все трое, чтобы и водитель, и командир, и стрелок^[23]. Мало ли что...

— Понял.

— Ну и хорошо, поехали.

Бронированный «джи-ваген» был увесистым, это даже с пассажирского места чувствовалось по тому, как плавно и «вязко» глотал он легкие неровности. Мотор рычал довольно сильно и натужно, как будто ехали с грузом. Да так оно и было, в сущности, потому что броня должна была весить немало. Толстые триплексы, тяжелые двери — в общем, с виду солидно, хотя Марио высказался не очень лестно, как и Джастин:

— Эти машины послали в Афганистан и выяснили, что на таких воевать нельзя. Стрелок открыто сидит, все насквозь простреливается. Закупили комплекты брони, которая устанавливается своими силами. Автомат они держат, даже пулемет, если не сблизит. Но при этом защита отлетает, отрывается, а если налететь на мину, то всем кранты, никакой защиты. К тому же раньше при переворачиваниях башня слетала и рвала пулеметчика чуть не пополам. На этих, — он постучал по крыше, — вроде бы исправили.

— Менять не стали?

— Разговоры шли, я в журнале читал, но денег на это не дали. Говорят, что немцы стали даже взрывостойкие «джи-вагены» выпускать, с такой капсулой для экипажа, — он обвел взглядом салон, — но в Канаду они точно не попадут. В ту Канаду, откуда я сюда провалился, в смысле. Тут я даже не знаю... тут уже ничего никуда не попадет. В общем, из этой машины выжали возможный максимум, который намного ниже того минимума, что нужен для войны, и решили, что и так хорошо.

— Хм, — комментировать я не стал. — Давай пообедем все те здания против часовой стрелки, — показал я пальцем через толстенный лобовой триплекс. — Там будет параллельная улица, по ней медленно вернемся назад. И ищем машины с чистыми стеклами в первую очередь, поняли? Чистое стекло — это опасность.

Они поняли.

«Джи-ваген» неторопливо, но решительно разогнался по ВПП, доехал почти до ее дальнего конца, там плавно развернулся налево. Башня над головой повернулась с тихим шуршанием — Джастин держал под прицелом проезд между зданиями, куда мы направлялись.

А все же хоть такая броня вокруг, что радует. Автомат держит, говорят? Это уже очень хорошо. Правда, очень толстые стойки немного мешают смотреть по сторонам, да и сквозь очень толстый триплекс даже под углом наблюдать как-то некомфортно. Надо было

«гантрак» взять? Нет, он против снайпера все же не очень, там все слишком открыто. На таком «гантраке» на разведку куда-то в пустыню ездить надо, в степь, где издали противника заметил, придавил его огнем из всех стволов — да и смылся, пыля до неба и выполнив задачу. А вот в пространство между домами, где в тебя могут пальнуть из любого окна... нет, не пойдет.

С десятков разных зданий, целый квартал, между ними стоянки. Машин вроде и немного, но все равно до черта, если прикинуть. Все стоят ровно вроде, но если бы я сюда приехал, то ставил бы свою так, как и остальные. Так что стекла смотрим, стекла. С такими, как эти, что я сейчас вижу, ездить уже не получится. Хотя опять же... если я до такого додумался, то почему не может додуматься противник? Взял найденную машину и рулишь, высунув голову в окно, например. Надев очки, чтобы ветер не в глаза. Тоже вариант. Но все равно проверить здесь хотя бы бегло все надо.

А ведь и вправду мест наблюдателю засесть — выше башки. Укрываешься и наблюдаешь сколько нужно. И проверить здесь все нереально, пожалуй. Сил не хватит: слишком много всего вокруг. И не обязательно наблюдателю машину здесь бросать, если он, наблюдатель этот самый, здесь есть. Привезли и уехали, потом заберут. Все дороги асфальтовые и бетонные, следов не найдешь.

А вообще никакого толку от такой разведки не будет. Ничего и никого мы не обнаружим здесь. Надо искать другие пути, и если здесь разведка противника имеется, то действовать надо на опережение, держать инициативу за собой.

И что?

— Там отель? — показал я на трехэтажное здание под зеленой крышей, видимое в отдалении.

— Отель, «Кристалл Инн», — сказал Марио. — Пустой.

— Понятно, что пустой, — усмехнулся я.

— Подъехать?

— Подъехать.

«Джи-ваген» описал плавный вираж, при этом как-то не слишком комфортно накренившись, и поехал в обратную сторону.

На аэродроме вроде бы тихо, даже твари редко появляются, насколько я успел выяснить, плюс мой «внутренний радар», так что здание проверить можно. Вот из него точно никто не будет наблюдать за терминалом — слишком далеко и видно плохо: те постройки, между которыми мы сейчас ездим, почти все закрывают. А вот подход к этим самым зданиям со стороны города как раз из отеля должен просматриваться отлично. И вот это надо проверить.

— За отелем дальше встань, чтобы отсюда машина не была видна, — сказал я водителю.

Вообще-то слабенькая предосторожность, но хоть какая-то.

«Джи-ваген» неторопливо обогнул здание отеля, и я увидел еще одно, такое же — стены облицованы сайдингом, такая же зеленая угловатая крыша, большие окна. Магазин, казино и автомойка. И отель так же построен.

— Тут что, Лас-Вегас для бедных был? — не выдержал я.

— В Монтане с игрой просто, — пожал плечами Марио.

— Ладно, тормозни здесь, — показал я место. — Джастин, по сторонам повнимательней, хорошо?

Машина заехала под большой козырек, привычный, похоже, для всех американских отелей. Оно и правильно, в общем, никому не надо под дождь, скажем, выбегать из такси.

— Пойти с тобой? — спросил Марио.

Надо бы вдвоем, но лучше, чтобы машина наготове была.

— Нет, я сам, будь готов, держи связь.

— Я понял.

Подхватив автомат, я выбрался из машины, остановился, прислушиваясь к звукам и своим ощущениям. Тьмы поблизости быть не должно, не ощущаю я ее, — насчет людей, понятное дело, не поручусь, но тут им делать особо нечего.

Дверь в отель открыта настежь, в холл нанесло ветром мусора. Тишина, ветер только посвистывает. Или мне даже кажется, что посвистывает, а так я его просто на лице ощущаю.

Запаха трупного нет, это хорошо. Его уже подсознательно ожидаешь везде, куда бы ни зашел. А здесь нет, вообще ничем не пахнет, даже испорченной едой. Или здесь такой фаст-фуд^[24] был, что в нем портиться нечему? Может, и так. Видел я видео про еду из «макдоналдса», которая все лежала, лежала — и не портилась. Вон вход в ресторан, но мне туда не надо.

А куда мне надо? На третий этаж мне надо, пожалуй, и налево по коридору до упора, там как раз должны быть окна, что выходят на нужную сторону.

По ковровому покрытию, которое здесь везде, мягкие подошвы ботинок ступают тихо-тихо, ни единого звука. И снаружи тишина, и везде тишина, мое дыхание, хоть я подсознательно и стараюсь его сдерживать, кажется громче всего. И тишина немного пугает, я автомат перехватил уже не «по-патрульному», а на изготовку. Приложился, скинул с предохранителя, поводит красной маркой «элкана» по сторонам, опустил. Большой палец на автомате уже вернул рычажок в положение «safe»^[25]. Вот этим, кстати, мне американский автомат нравится куда больше «калаша» — предохранитель беззвучный и переключается легко, за полдня можно полного автоматизма добиться. Вскинул — снял с предохранителя, опустил ствол — поставил.

Лестница чуть-чуть скрипнула под ногой, да и все. Второй этаж — пусто в коридоре, в обе стороны. Все двери закрыты, свет попадает только через окна в торце. Темновато, но ладно. Кстати, мне ключи внизу поискать не надо было?

Глянул на замок в ближайшей двери — с карточкой. Электрический, значит. То есть при отключении питания должен открыться сам. Повернул ручку, толкнул дверь — точно, открыто. Комнаты просторные, кстати, простенько так все, но нормально здесь, можно было жить.

Ладно, еще выше.

Выше было так же, как и ниже, никакой разницы — светлые стены, ковровое покрытие буроватого цвета с незамысловатым орнаментом и тишина, тишина. Никого и ничего вокруг. Вновь замер, прислушался — никаких сигналов тревоги, все спокойно. Пошел по коридору до самого конца, выглянул в окно — точно, вид на подступы к терминалу и прочему со стороны города. Толкнул дверь рядом и сразу разочарованно поморщился — в номере в нужной стене окон не было. Ну да, я же еще с улицы заметил, что в торцевой стене здания отеля всего три окна, друг над другом, как раз в коридорах.

— Так, наблюдателя в коридор, смена отдыхает в номере, — сказал я тихо самому себе. — Только тылы укрепить, чтобы никто сзади не подобрался. Но это уже небольшая проблема. Марио? — взялся я за рацию.

— Я здесь, — донесся ответ.

— Где можно пересечь Миссури к югу от города?

— В Улме.

— Далеко туда?

— Миль десять.

— Сейчас в этот самый Улм и поедем. Но пока ждите.

Связался с Базой, вызвал Хэнка, сразу сказал:

— Бери двух человек и давай с ними сюда. Окружным путем, подъезжай так, чтобы тебя со стороны базы национальной гвардии не было видно. Машину с собой не брать, пусть вас кто-то привезет и сразу уедет. Приборы для наблюдения ночью, запас еды и воды. Не меньше двух боекомплектов на человека... и объясни остальным, что такое «боекомплект». И связь с Базой должна быть гарантирована, понял? Я здесь дождусь.

Ну уже что-то, место для наблюдения нашлось. Если есть разведка от бандитов, в тех зданиях мы ее так не заметим. А вот движение в ту сторону засечем отсюда обязательно: там надо метров триста открытого пространства пересекать по плоской как стол местности.

Плохо, что мин нет никаких, здесь бы неплохо было пару «монок»^[26] установить в коридоре, например, и с прицелом на лестницу. Но нет мин у канадцев, отказались по причине негуманности оружия. Очень своевременно. Растяжки? Надо бы, но как-то не уверен, что они умеют их ставить. А поставив, их бы еще не забывать снимать. Или просто про них не забывать, на случай если ты куда-то побежишь, например, в темноте. К растяжкам и прочему всякому такому минированию привыкать надо, начинать сразу и с бухты-барахты все же не стоит, пожалуй.

А наблюдение с этой позиции край как нужно. Может, в будущем как-то получится установить здесь камеру с дистанционной связью? Есть здесь такие? Должны же быть, «тэхныка далеко ушоль», правильно?

— Разведка организуется и ведется непрерывно в любых условиях обстановки в целях добывания сведений о противнике и местности в районе предстоящих действий, — всплыла откуда-то из глубин подсознания заученная когда-то фраза. — Только так. Ладно, где вы там?

Минут через десять подъехал зеленый «шеви», из которого высадились трое. Вооружены и навьючены всерьез, это хорошо, потому что до утра все равно никого не сменим. А так будут меняться — один за наблюдателя, один отдыхающий и бодрянка.

Послышался топот с лестницы, затем запыхавшаяся тройка забежала в коридор. С Хэнком была Солдат Джейн и еще один совсем молодой белобрысый парень с короткими волосами, которого, кажется, звали Алекс. А фамилия у него была Мак-Грегор, как у актера, вспомнил. Парень притащил солидно выглядящую винтовку с оптикой.

— Умеешь пользоваться? — спросил я его, показав на оружие.

— Умею... да, сэр. — Он вроде как немного смутился, не зная, как адресоваться ко мне.

— Влад, — напомнил я ему, выдав наиболее отвратную для меня местную версию своего имени, зато всем привычную.

— Влад, да, — кивнул он. — Я охотник и любил стрелять на дальние дистанции.

— Ты откуда?

— Из Айдахо.

— Хорошо. — Я обратил внимание на толстую трубу глушителя, навинченную на ствол винтовки. — Он вообще как работает на таких калибрах? Что у тебя за патроны?

— Обычные, сэр... Влад, — поправился он. — Триста тридцать восемь. Все равно неплохо глушит, и вспышки почти нет, а кучность почти не страдает.

— Ночник есть?

Он молча постучал по большому подсумку, висящему на боку.

— Хорошо. Но больше за тылом наблюдайте, чтобы к вам никто не подошел и не съел.

— Попробуем коридор мебелью забаррикадировать, — сказал Хэнк. — Под потолок.

— А что, нормально, — подумав, согласился я. — Но так, чтобы хрен кто перелезть мог.

И предусмотрите возможность просто бросить гранату за баррикаду.

— Я понял.

— Занимайте номер и пост у этого окна, — поставил задачу Хэнку. — Наблюдать постоянно за пространством между тем домом, — я показал пальцем, — и окраиной города. Засекать любую активность и сразу докладывать. Организуй все сам, наблюдайте в три смены, сидеть будете до утра. Понял?

— Ничего сложного, — усмехнулся он.

Ну, надеюсь, что так. Впрочем, организацию службы и минометчик знает, так что разберутся.

Сбежал вниз, обнаружил, что «шеви» уже уехал, а Марио с Джастинном дожидались меня в «джи-вагене».

— Все, поехали в этот Улм, или как там его, — сказал я, плюхаясь на командирское сиденье и закрывая за собой тяжелую дверь.

«Джи-ваген», натужно подвывая дизелем, тронулся с места. Проехал по стоянке, выбрался на широкий пятнадцатый интерстейт^[27], и затем мы поехали вдоль Миссури, которую я, впрочем, не видел, а просто знал по карте, что дорога словно бы спрямляет ее прихотливые в этом месте изгибы. Поля до горизонта, еще прошлогодняя желтая трава, разделительный газон в несколько раз шире самих полос — не было здесь дефицита места, очень широко строились.

Брошенных машин на дороге тоже практически не попадалось, равно как и заторов — пустота и тишина. Звук дизеля «джи-вагена», кажется, до горизонта слышен. А вообще пейзаж монотонный, как море вдали от берегов, даже взгляд ни на чем не задерживается, даже столбов вдоль дороги со скуки не посчитаешь — нет их здесь. Пару раз в отдалении мелькнули фермы — скопления длинных домов и длинных сараев, а больше ничего и не попадалось.

Улм оказался скоплением пыльных премануфактеред-домиков, с навесами вместо гаражей возле них, и я по привычке начал разглядывать лобовые стекла стоящих машин, но чистых так и не увидел.

Затем дорога вдруг обзавелась отбойниками, разделилась в развязку, на которой мы нырнули под мост, после чего чуть не влетели в кучу металлолома перед сгоревшей заправкой «Коноко», но Марио успел среагировать, заправив тяжелую и валкую машину в вираж. Слышно было, как выругался Джастин, ударившийся боком о край люка. Там же, перед заправкой, стоял расстрелянный из «полтинника», наверное, «хамви», и в кабине, за пробитыми стеклами, продолжали разлагаться два трупа в камуфляже, а на крыше сидели две жирные вороны, отчаявшиеся, похоже, добраться до добычи, так и запертой внутри.

Потом на глаза попался большой рукописный плакат, извещавший, что в церкви каждый день, пока живы участники, будут идти службы, но краски на плакате уже потекли, а фанера, на которой он был написан, посерела и разбухла от непогоды.

Никто не разговаривал, зрелище опустевшей земли, мертвого города подавляло и вгоняло в тихую депрессию. Отчаянно захотелось вернуться в замкнутый мирок терминала, с новыми трейлерами и населенный живыми людьми, который был как космическая станция посреди

мертвого космоса. Там шум, там жизнь, там разговоры, там играют по вечерам в пинг-понг и пахнет чем-то жареным с кухни.

Затем пыльная двухполоска, изогнувшись, провела на мост через Миссури, перебросивший нас с одного заросшего кустами берега на другой, и дальше вывела к другим дорогам, уже гравийным, которые шли, изгибаясь исключительно под прямыми углами, обратно в сторону Грейт-Фоллза, но подъехать мы должны были к нему с юга. Как я и планировал.

Сразу за рекой пейзаж резко изменился, вдруг стал холмистым. Уже который по счету город на моей памяти в Америке оказывается на границе ровной степи и гор, или холмов, как в этом случае. Эти холмы, когда я разглядывал карту и вычислял по ней расстояния, и натолкнули меня на нынешнюю идею. Надо только с местом не промахнуться.

Обратная дорога оказалась куда длиннее десяти миль, потому что петлять пришлось много. Но выехали как планировали и куда планировали — за пару километров от обратного ската пологого холма, в восьмистах метрах от места, обозначенного на карте как «Еврейское кладбище». И отсюда был ровно километр до некоего ранчо с несколькими ангарами и какой-то стройкой возле него, где я и заметил с воздуха след мотоцикла. Можно было бы и ближе подъехать, но я побоялся обнаружить себя шумом двигателя и пылью, так что предпочел остановиться заранее. Заодно обругав нелепую трехместность довольно большой машины: лучше было бы двумя парами действовать. Пара осталась и пара пошла.

Дизель «джи-вагена» затих, слышно было, как он потрескивает, остывая. Я оставил автомат в машине и взял оттуда «марк-одиннадцать» — ей на такой местности самое место, это я уже проходил.

— Марко, Джастин — остаетесь здесь, — взялся я распоряжаться. — Джастин за старшего. Каждые пятнадцать минут даю проверку связи двойным щелчком, подтверждение — тройной двойной щелчок. Если не выхожу на связь тридцать минут — медленно ежайте в направлении на вон ту ложбинку между холмами, видите? — Я показал пальцем. — Если меня там не обнаружили — отходите, я выберусь сам. В драку не лезть, проблем не искать. Если появятся твари и придется стрелять — я услышу, выходим на связь, и вы меня эвакуируете. Но этого избегать изо всех сил. Понятно?

Оказалось, что понятно.

На этом я их и оставил, быстрым шагом уходя по указанному направлению.

Подобраться, пользуясь тем укрытием, что давали мне невысокие холмы, удалось на восемьсот метров, как мне дальномер подсказал. Пока шел, ничего подозрительного не заметил и не почувствовал. Поднявшись по обратному скату почти до верха, залег, дальше уже ползком, только трава прошлогодняя шуршит. И хорошо, что ветерок легкий, колышется эта трава, так что если даже кто-то специально сейчас наблюдает за гребнем этого холма, то скорее всего меня сразу не заметит.

Странно обнаружить это в такой момент, но как-то весной пахнет. Такая смесь сырой земли, сена и того несуществующего, но такого ощутимого запаха свежего воздуха. Не удержался, вдохнул несколько раз глубоко-глубоко, так что в глазах круги пошли.

Посмотрел, где солнце — почти за спиной, пользоваться биноклем можно без опасения, бликов не ожидается. Пристроился поудобней, раздвинув локти для опоры, начал осматривать ранчо по секторам. Похоже, есть там кто-то все же, следы еще кое-где заметны...

Еще минут двадцать лежания в сухой траве потребовалось для того, чтобы засечь на

ранчо активность — из дома вышел человек в камуфляжных штанах и черной майке, остановился на крыльце, закурив, кажется. Мощности восьмикратного бинокля не хватало для того, чтобы разглядеть черты лица, но сам человек был как на ладони.

Не ошиблись мы, кто-то на этом ранчо живет.

Минут через десять увидел еще двоих, одетых разнообразно, но опять же с примесью камуфляжа разных оттенков. Все вооружены. Машин и мотоциклов не видно, но думаю, что они в ангарах, я бы тоже на виду транспорта не держал. Если кто захочет прижать, то транспорт вывести из строя — первое дело. Наблюдения с воздуха не боятся, двигатель самолета слышно издалека. Был бы умным — может быть, спланировал бы с выключенным, но это без гарантий, в это время во дворе никого могло не быть.

Кстати, я был прав в том, что дальше пролетел, не стал здесь крутиться. В результате те, которые прячутся на ранчо, обеспокоенными никак не выглядят. Все спокойно, все хорошо. Что и требовалось получить.

Что теперь? Пока надо наблюдать. Хотя бы потому, что черт его знает, кто тут прячется. Может, и бандиты, а может, и вовсе нет. Мародеры, например, искатели всякого добра. Просто люди. Нервные «синдромники», старающиеся держаться подальше от всех. Нет, я на бандитов ставлю, но гарантий дать все равно не могу.

А вообще нужны приборы наблюдения, напарник и... хорошая дальнобойная винтовка. На всякий случай. Идешь наблюдать в такое место — имей все при себе. Включая напарника.

На Базу вернулись без приключений, тоже окольным путем, через Улм. Не увидев по пути ни единой живой души, если не считать всякого зверья и «гончей», которую заметили возле церкви в Улме. Услышав, как поворачивается башня на крыше, я едва успел остановить Джастина:

— Не стрелять! Мало ли кто услышит!

— Все знают, что мы здесь, — удивился он. — В чем проблема?

— Проблема в том, что мы обозначимся в Улме, — взялся я объяснять вроде очевидное. — Кто-то может подумать о том, что не к мосту ли мы ездили? А если к мосту и именно сейчас, после всей стрельбы и активности, — то зачем?

Балуются, черт бы их побрал.

— Джастин, ты кем раньше работал?

— В ай-ти-компании, программистом, — откликнулся он, спускаясь в люк и усаживаясь в кресло.

Лицо у него раскраснелось от встречного ветра, только под очками все оставалось белым, так что получилось что-то вроде маски.

— Вот как, — кивнул я. — А стрелять где научился?

Говорят, что Джастин из пулемета лихо стреляет, так?

— Здесь уже, на стрельбище.

Ага, вот оно как... А что в местном понимании «хорошо стреляет из пулемета», кстати? Он по движущейся упреждение сумеет взять, интересно? Или быстро пристреляться метрах так на восьмистах? Ой, ой, а не переоцениваю ли я способности личного состава?

А впрочем, мне что, кто-то других бойцов пришлет? Нет. А раз нет, надо рассчитывать на этих. Программистом он был, понимаешь.

Подъезжая к Базе, вызвал на связь Хэнка, узнал от него, что никакой активности не заметили, но наблюдение ведут, служба налажена, сменяемость наблюдателей обеспечена. Никаких чрезвычайных происшествий на вверенном ему объекте... но это я уже своими

словами, так сказать, идею передаю.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

В оригинале — forward operational base. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Nasty (Нэсти) — отвратительный, омерзительный (*англ.*).

Ride — в данном случае употреблено в смысле «подвезти», «оказия».

Skills — навыки, умения (*англ.*).

Ranchhand — всего лишь «помощник на ранчо» (*англ.*).

«Морские котики» — подразделения специального назначения ВМФ США.

Снайпер в составе подразделения. Отличается от обычного снайпера тем, что действует в интересах и по задачам подразделения. Обычно использует самозарядную винтовку повышенной кучности, рассчитанную на меньшую дальность поражения, чем винтовка снайпера.

Так североамериканцы именуют Афганистан либо иной «...стан».

Служба типа нашего МЧС.

Служба грузовых перевозок.

Немного ироничное самоназвание канадцев.

MILCOTS: Military / Commercial Off the Shelf — военный / коммерческий с полки; как хочешь, так и понимай. Хотя подразумевается «милитаризованное» транспортное средство стандартной гражданской конфигурации, а не спроектированное специально под военные нужды.

Торговый агент (*англ.*).

Зал для брифинга (*англ.*).

Американский авианосец.

Dirtbike — стандартное американское название кроссовых мотоциклов и эндуро.

«Bladez» (иск. «Blades») — «Лезвия», «Клинки» (*англ.*).

Букв.: «специальные силы» (*англ.*), т. е. спецназ.

Кто тут главный (*англ.*).

Автоматический гранатомет Мк.19.

Взлетно-посадочная полоса.

NODLR (Night Observation Device, Long Range) — прибор для ночного наблюдения на больших дистанциях. Инфракрасный прибор, также используется в условиях плохой видимости и сильного задымления. Внешне напоминает старинный фотоаппарат на треноге.

G-wagen C&R (Command and Reconnaissance) — разведывательно-дозорный вариант LUVW (Light Utility Vehicle Wheeled, легкой утилитарной колесной машины), выпускается в трехместном варианте: водитель, командир и стрелок.

Быстрое питание (*англ.*).

«Безопасно» (*англ.*).

МОН-50 (мина осколочная, направленного действия), часто используется для обороны позиций.

Федеральное шоссе, связывающее штаты.

Служба ракетно-артиллерийского вооружения в армии, которая по факту распоряжается всем оружием, включая стрелковое.

Автоматический станковый гранатомет.

Овощной суп.

Собственно говоря, функция, обязанность.

Букв.: высокие технологии. В данном случае — «навороченный» прибор.

Переносная радиостанция, та, что носится за спиной как рюкзак.

Пластичное взрывчатое вещество военного назначения.

Самодельное взрывное устройство.

Бейсболка.

Defense Secretary — министр обороны в англоязычных странах.

Прибор ночного видения.

Американское выражение «use of deadly force», равносильное нашему «открытию огня на поражение».

Управленческий, престижный (*англ.*).

US Customs — американская таможня (*англ.*). Полное название US Customs and Border Protection.

Short Takeoff and Landing — укороченный взлет и посадка (*англ.*).

Группа быстрого реагирования, она же FRT — группа немедленного реагирования.

As soon as possible — как можно быстрее, — стандартный акроним, употребляемый именно в таком виде.

Химиотерапия.

Тепловизионная камера для охраны границ и берегового наблюдения. Вообще-то FLIR — это название фирмы, производящей множество приборов, в том числе и эти системы.

«В движении» (On Move, Oscar-Mike) — употребляемое в радиообмене сокращение.

Estimated Time of Arrival — предположительное время прибытия (употребляемое в радиообмене сокращение).

Букв.: случай войны (*лат.*) — юридический термин из римского права, означающий формальный повод для начала военных действий.

Зенитная установка (ЗУ).

Обвод, параллельный прямому участку рабочей схемы, плана и пр. (*англ.*).

Нефтеперегонный завод.

Мобильные силы (*англ.*).

Профессиональный организатор охот.

Считается, что не более одного процента мотоклубов являются криминальными предприятиями (outlaw), и те, кто все же предпочитает позиционировать себя таковыми, носят нашивку «1 %».

В данном случае — самодельное взрывное устройство.

Joy Ride — угон машины просто для развлечения, покататься.

Защищенное от подрыва и атак из засад (Mine Resistant Ambush Protected — MRAP)
(англ.).

Фирма, выпускающая протяженные «мешки» (контейнеры) на металлическом каркасе, которые можно наполнить, скажем, землей и таким образом за короткий срок соорудить барьер.

Дуке — мужеподобная лесбиянка (*англ.*).

Документы (ID).

Self storage — склад, в котором ты снимаешь отдельную ячейку и хранишь, что там тебе нужно.

School bus — школьный автобус типичной американской конструкции, на мощной раме, обеспечивающий крайне высокий уровень пассивной безопасности.

Make my living — зарабатываю на жизнь. Буквально: делаю свою жизнь (*англ.*).

Аналог нашего «не высовываться».

Королевская канадская конная полиция (RCMP).

Наиболее точный перевод на русский — «Джинни-Кобёл».

Сделка, в данном случае — «договорились» (*англ.*).

Быстро растущий и развивающийся город.

Прибл.: легко и просто (*англ.*).

Наблюдательный пункт.

Лохматый маскировочный камуфляж снайпера.

Situation report — доклад об обстановке.

«Километр» на американском военном слэнге.

Вне вариантов (*англ.*).